

ВЛАДИМИР МАЦКЕВИЧ

СВОБОДА И МЫШЛЕНИЕ

ЭССЕ О ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Владимир
Мацкевич

СВОБОДА
И МЫШЛЕНИЕ

Эссе о гражданском обществе

Книга представляет собой сборник эссе Владимира Мацкевича, посвященных гражданскому обществу, написанных в декабре 2019 – январе 2020 годов. Ключевым вопросом этих рассуждений стал вопрос о том, способно ли беларусское общество противостоять современным вызовам и угрозам. Автор анализирует основания гражданского общества и то, какую роль в его развитии и существовании играют медиа, общественное мнение и государство, как соотносится гражданское общество с нацией, с различными действиями и практиками общественного участия. Книга предназначена для тех, кто интересуется развитием гражданского общества и его новых форматах действия в современную эпоху.

ISBN 978-609-96268-1-9

Мацкевич, В. Свобода и мышление. Эссе о гражданском обществе [Электронный ресурс] / В. Мацкевич ; ред. К. Мальцев, А. Залесский, Т. Водолажская ; кор. М. Хрусталева. Электрон. текстовые дан. (1 файл). — Вильнюс : Летучий университет, 2022

Редактор: Кирилл Мальцев, Алесь Залесский, Татьяна Водолажская
Корректор: Мария Хрусталева
Обложка: Артур Вакаров

Предисловие от редакторов

Предлагаем вашему вниманию сборник эссе Владимира Мацкевича, посвященный гражданскому обществу. В этот сборник вошли тексты из серии публикаций автора в своем Фейсбук-блоге в декабре 2019 – январе 2020 годов. Эта серия текстов писалась в завершение общественной кампании «Свежий ветер»[1] и являлась осмыслением актуального состояния беларусского гражданского общества и предложением инструментов и моделей для оценки и работы с ним. Ключевым вопросом этих рассуждений стал вопрос о том, способно ли беларусское общество противостоять современным вызовам и угрозам. Отправной точкой в поисках ответа на него стала полемика о том, существует ли гражданское общество в Беларуси как субъект, способный оказывать влияние на политические процессы в стране, принимать решения относительно «общих дел» и консолидироваться для реализации общих для всех целей.

Автор анализирует основания гражданского общества и то, какую роль в его развитии и существовании играют медиа, общественное мнение и государство, как соотносится гражданское общество с нацией, с различными действиями и практиками общественного участия.

Переходя к актуальным вызовам, Владимир Мацкевич подробно разбирает эволюцию социальных связей и отношений и ставит вопросы о новых форматах существования гражданского общества в современную эпоху.

Читая эту книгу, следует принимать во внимание, что текст писался до событий августа 2020 года, которые во многом изменили и расширили практику гражданского участия, и теперь мы имеем возможность оценить эти изменения, в том числе

опираясь на идеи Владимира Мацкевича. Приведенные в книге теоретические схемы и развороты являются теми ключами, с помощью которых читатель может попытаться «ухватить» авторскую концепцию понимания гражданского общества и на основе сказанного выстроить собственное отношение к современному состоянию беларусского гражданского общества.

По отношению к «объекту рассмотрения» автор не стремится занять позицию стороннего наблюдателя, напротив, то, о чем он пишет, — это взгляд изнутри гражданского общества, с позиции, которую, безусловно, можно назвать лидерской. Для Мацкевича лидерство — это персональная установка на занятие проактивной позиции, выражающейся в первую очередь в том, чтобы интеллектуально охватить объект — гражданское общество — во всем его многообразии и уникальности. Как мог бы сказать сам автор, «думать гражданское общество»[2].

В название книги мы вынесли две основные характеристики гражданского общества: свободу и мышление, составляющие его суть и смысл для В. Мацкевича, его modus vivendi. И хоть эти две сущности и не сводимы друг к другу, между ними существует стойкая связь. Сам автор пишет по этому поводу в одном из своих текстов: «Сначала свободным становится мышление, потом оно делает свободным все остальное. Но мышление не может не быть свободным, иначе оно уже не мышление. Если Беларусь несвободна в выборе пути своего развития, значит, ее мышление несвободно в промысливании этого пути, значит, она не свободна (не может) мыслить, значит, она не мыслит»[3]. Поэтому данный сборник эссе следует воспринимать как установку на эмансипирование мышления о гражданском обществе, на освобождение его от привычных схем и рамок, в которых мы мыслим этот сложный, неоднозначный и порой трудноуловимый объект.

Кирилл Мальцев, Алесь Залесский

Примечания

1 «Свежий ветер» — общественная кампания, которая стартовала 31 августа 2019 года как реакция на разработку

правительствами Беларуси и России соглашений об «углубленной интеграции» двух стран и изменений в беларусскую Конституцию, которые могли поставить под угрозу суверенитет страны: https://канстытуцыя.бел/

2 В 1994 году В. Мацкевич выдвинул формулу «Думать Беларусь» в качестве целевой установки на осмысление Беларуси не просто как предмета изучения и описания, а как уникального самодостаточного объекта, требующего для этого соответствующего отношения и практики: https://eurobelarus.info/news/society/1994/12/12/dumat-belarus.html

3 Мацкевич, В. Вопреки очевидности. — Невский простор. 2006. — С. 29.

Введение

«Ну, уж это положительно интересно, — трясясь от хохота, проговорил профессор, — что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!»

— М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Гражданское общество в Беларуси есть. Я это точно знаю, поскольку именно солидарность гражданского общества спасла меня от смерти в октябре 2006 года[4].

С поддержкой гражданского общества в 2009–2010 годах мы победили макеевский Общественно-консультативный совет с его профанацией общественного участия. Настойчивость гражданского общества при создании программы Восточного партнерства заменила декоративный план Еврокомиссии на тот, который включил реальное представительство и работу гражданского общества всех стран как полноценных субъектов политического процесса[5]. Солидарность после позорных выборов и жестокого подавления протеста 2010 года известна каждому, кто хочет видеть и знать.

Очень многим не хочется видеть существование гражданского общества, не хочется о нем ничего знать.

Понятно, почему о нем ничего не хочет знать режим, его идеологи, его охранители и надсмотрщики.

К огромному сожалению, ничего не хотят знать о гражданском обществе и те, кого в Беларуси назначили аналитиками, комментаторами, интеллектуалами. Собственно, они и формируют то состояние гражданского общества, которое мы имеем сегодня.

Гражданское общество есть. Каково оно, каково его качество — это совсем другой вопрос.

Да, качество так себе. Но «другого гражданского общества у меня для вас нет», ни для вас, ни для себя. И если я могу на что-то надеяться, то только на гражданское общество.

Да, оно спасло меня от смерти 13 лет назад. Но чаще оно меня подводило. Подводило из-за своей незрелости, пассивности, подчиненности и послушности.

Оно таково, каково оно есть. И мне не к кому больше обращаться. Даже если меня не слышат. Даже если в гражданском обществе доминируют идеи, противоположные моим.

Гражданское общество существовало не всегда. Оно начало формироваться в то же время и в тех же условиях, в которых формировались современные нации и закладывались национальные государства, — всего-то два с половиной века назад.

В первые сто лет своего существования гражданское общество было представлено величайшими мыслителями и героями.

Гражданами осознавали себя Кант и Вольтер, основатели Соединенных Штатов Америки, депутаты Учредительного собрания Франции, скинувшие монархию.

Гражданское общество XVIII века было транснациональным. Иммануил Кант подчеркивал нравственные основания Французской революции. Бенджамин Франклин оказал влияние на французских революционеров, а его французские друзья участвовали в американской войне за независимость. Тадеуш Костюшко был генералом в континентальной армии США, получил американское гражданство, дружил с Томасом Джефферсоном, боролся с рабством в США и с крепостным правом в Литве.

Это был героический период существования гражданского общества.

К концу XIX века гражданское общество превратилось в то, что Габриель Тард назвал публикой. Публика, особенно широкая публика, уже не может состоять из одних мыслителей и героев. Но публика является носителем общественного мнения, носителем и воплотителем идей, составляющих общественное мнение.

Тоталитарные режимы XX века захватили средства формирования общественного мнения, взяли публику под полный тотальный контроль и уничтожили гражданское общество тех наций, которые им удалось захватить.

Противостоять тоталитарным режимам коммунизма, нацизма и фашизма способно только гражданское общество. Там, где гражданское общество не смогло консолидироваться, побеждали большевики, нацисты, фалангисты и прочие. Во Второй мировой войне победила коалиция стран с сильным гражданским обществом.

Но после войны даже демократические режимы стали побаиваться гражданского общества. Впрочем, и само гражданское общество сильно деградировало. Из общества мыслителей и героев (творцов и воплотителей идей), пройдя стадию широкой публики (носителей и интерпретаторов идей), гражданское общество стало вырождаться в общество потребления (потребителей и профанаторов идей).

Но в XX веке нации существовали в двух ипостасях: государство и противостоящее ему гражданское общество.

К концу XX века в Европе гражданское общество попытались затолкать в рамки НГО, или «третьего сектора». Гражданское общество отодвинули на третий план, после «первого сектора» (государства) важную роль стал играть «второй сектор» (бизнес и экономические агенты). В предшествующий период бизнес и предприниматели не отделяли себя от гражданского общества.

Но НГО хоть и имеют отношение к гражданскому обществу, не исчерпывают его.

Как и 250 лет назад, гражданское общество — это мыслители и герои в первую очередь. Личности, имеющие гражданское сознание, гражданскую совесть, гражданское мужество.

Можно делать вид, что гражданское общество — это ПЕН-центр[6]. Это не так, это всего лишь юридическая форма, она пуста без Татьяны Нядбай[7] и Марыйки Мартысевич[8]. Гражданское общество — это Светлана Алексиевич[9] и Павел Северинец[10].

Да, они не согласны друг с другом по многим вопросам. Они конфликтуют и ссорятся. Но это один из главнейших модусов существования гражданского общества — конфликтовать и ссориться по поводу всего, что граждане считают принципиальным, важным, ценным или опасным.

Но — принципиальным и важным!

А что важно, что не важно, каждый гражданин может решать сам. А гражданское общество — эмерджентное образование из множества граждан-личностей.

Современные государства в Европе проводят деполитизацию гражданского общества, как в своих странах, так и в странах, ориентированных на вхождение в Евросоюз или выстраивающих с Евросоюзом партнерские отношения.

В своих странах государства Евросоюза ограничили деятельность гражданского общества сферой благотворительности, социальных, гуманитарных, локальных вопросов, изолировав НГО от политики. НГО взяты на содержание государством и частично из частных фондов, которые все равно контролируются государством. Гражданское общество других стран государства Европы и брюссельская бюрократия пытаются использовать просто как массовку для международных мероприятий и одобрения двусторонних межгосударственных отношений, что ярко проявляется в странах Восточного партнерства.

В «прокрустово ложе» НГО[11] пытаются загнать послушную публику, но гражданское общество все равно существует, и его нельзя оторвать от политики. Именно в гражданском обществе зародилось «зеленое движение». Оно ворвалось в политику, взломав «первый сектор» через «зеленые партии», через международные движения. И это гражданское общество принуждает государства решать глобальные экологические проблемы, как бы сами государства от этих проблем ни увиливали.

Герои гражданского общества первыми оказываются в «горячих точках» планеты, поднимают важнейшие вопросы глобального мироустройства, не забывая про человеческое и гуманитарное измерение.

В 80–90-е годы прошлого века многим исследователям стало казаться, что роль национальных государств снижается и они уступают ведущее место транснациональным корпорациям. Но в XXI веке государства вернули свои позиции и пытаются вместе с олигархами-ТНК[12] манипулировать гражданским обществом.

Украина показала всему миру силу гражданского общества на двух майданах и в организации военного сопротивления российской агрессии.

Главные проблемы Украины связаны с эгоизмом и жадностью «второго сектора» — олигархата. В короткие периоды кризиса олигархи используют энергию гражданского общества Украины для борьбы кланов в ослабленном и несовершенном украинском «первом секторе» — государстве. Как только кризис преодолен,

олигархи возвращаются к своим мелочным гешефтам, которые снова создают колоссальные проблемы всей Украине.

В этом проявляется и сила, и слабость украинского гражданского общества. Оно играет вместе с олигархами на поле плохо организованного государства, вместо того чтобы переучредить это государство и усовершенствовать его.

Беларусское государство тоже несовершенно. Кроме того, оно захвачено группировкой, которая фактически приватизировала его.

Беларусское государство тоже требует переучреждения[13].

И кто же может переучредить государство?

Это может сделать только гражданское общество. Так это делается уже 250 лет со времен образования первых национальных современных государств в Америке и Европе – США и первой Французской Республики.

Унитарное или федеративное государство Речи Посполитой могло быть третьим таким государством в мире. Но оно не состоялось по двум причинам:

- архаичный способ учреждения. Учреждали государство (знаменитая Конституция 3 мая) по старинке магнаты и активная часть шляхты практически без участия гражданского общества, которое еще не успело сформироваться и укрепиться. Сосуществование феодальной архаики и средневековых пережитков с модерными тенденциями оказалось нежизнеспособным;
- внешняя агрессия. Как и Французская Республика, так и новая Речь Посполитая вызывали отторжение абсолютистских монархий и империй Европы. И Франция, и Речь Посполитая не смогли выстоять перед консолидированной абсолютистской коалицией и переживающей первую промышленную революцию Англией. Франции удалось сохранить целостность при реставрации монархии. А территорию Речи Посполитой поделили между тремя победившими империями. Этим империям оставалось жить всего лишь 100 лет. Но развитие народов Речи Посполитой (поляков, беларусов, украинцев и литовцев) затормозилось на целое столетие. Два из четырех народов смогли учредить свои государства после Первой мировой войны, а двум другим пришлось ждать еще 70 лет. Но и до сих пор ни Украина, ни Беларусь не справились со

всеми задачами образования нации и учреждения дееспособного государства.

Почему никто не может учредить государство, кроме гражданского общества? Да просто некому больше. Просто нет другой субъектности и силы. Разве что сами государства. Государство может учредить другое государство. Или группа государств. Но тогда это будет не национальное государство, а результат внешнего сговора или заговора.

Такие государства существуют в мире, и даже в Европе. И мы в Беларуси имеем такое государство.

БНР — первое беларусское государство — не было практически и действенно признано никакими другими государствами. А БССР учредила советская власть, т.е. другое государство.

Нам пора взяться за дело самим, завершить начатое учредителями БНР и получить признание Рады БНР — институции, оставленной нам нашими предками, чтобы мы завершили начатое ими и Рада могла передать свои полномочия реальному национальному государству — Республике Беларусь.

Что сейчас нужно делать гражданскому обществу Беларуси — понятно.

Но как?

Об этом дальше, но сначала придется разобрать, проанализировать и описать состояние гражданского общества современной Беларуси, которому предстоит выполнить историческую миссию на этом этапе развития нации и страны.

Примечания

4 «Осенью 2006 года в Минске произошел громкий конфликт между городскими властями и христианами полного Евангелия из церкви «Новая жизнь». Земля между Малиновкой и Сухарево попала в план застройки. Мингорисполком решил лишить общину земли и здания, которое та когда-то выкупила у колхоза. В знак протеста верующие объявили бессрочную голодовку. Методолог Мацкевич, понимая, что дело касается не только прихожан, присоединился к голодовке. Присоединился всерьез — как он не раз рассказывал потом, они «реально были готовы умирать». Тогда верующие и общественность отстояли церковь. (...) [в итоге] власти

отменили 11 решений хозяйственного суда по церкви «Новая жизнь».
— Беларусский журнал

5 См.: Общественный диалог в Беларуси: от народовластия к гражданскому участию / Владимир Мацкевич, 2012. — С. 48–54.
— Eurobelarus

6 Белорусский ПЕН-центр — беларусский национальный центр ПЕН-клуба. ПЕН-клуб — международная правозащитная неправительственная организация, объединяющая профессиональных писателей, поэтов и журналистов, работающих в различных литературных жанрах.
— Википедия

7 Беларусская поэтесса, переводчица. Возглавляла Белорусский ПЕН-центр (5 ноября 2017 г. — 26 октября 2019 г.)
— Википедия

8 Беларусская поэтесса, писательница, журналистка, переводчик.
— Википедия

9 Беларусская писательница, журналистка, сценарист документальных фильмов. Первый беларусский и шестой русскоязычный лауреат Нобелевской премии по литературе (2015).
— Википедия

10 Один из основателей, бывший лидер молодежной организации партии БНФ — «Молодой Фронт». Один из лидеров партии Белорусская христианская демократия.
— Википедия

11 Может ли НГО, или «третий сектор», обходиться без гражданского общества? // В.В. Мацкевич, 2014.
— Methodology.by

12 ТНК — транснациональная компания (корпорация).

13 Мацкевич, В. Миллионы послушных против миллионов несогласных. Кто окажется сильнее?
— Беларусский журнал

I

«Скажи мне, существует ли гражданское общество в Беларуси, и я скажу, кто ты»

О гражданском обществе в лицах

Если бы мне понадобилось описать гражданское общество Беларуси в лицах, я бы начал с Валентина Акудовича и Светланы Алексиевич.

И многих других, конечно, но начну с этих двух людей. Они ровесники, они в чем-то похожи, в чем-то очень разные.

Начну с того, что они оба для меня лидеры мнений.

Да, я ориентируюсь на их мнение, их мнение мне важнее сотен и тысяч других. С чем-то соглашаюсь, с чем-то не соглашаюсь. Важнее то, с чем не соглашаюсь.

Не я один ориентируюсь на их мнение, поэтому они не персонально мои лидеры мнений, они ЛОМы — лидеры общественного мнения. Оба широко известны в стране и за рубежом. Алексиевич переводится и издается в мире миллионными тиражами. Акудович — скромнее, его книги переводятся на несколько европейских языков и небольшими тиражами изданы в разных странах. Но зато Акудович популярен в беларусскоязычной части беларусского общества, а Алексиевич там окружена заговором молчания.

Они оба сторонятся политики. Валентин Акудович в одном из писем говорит: «Жыццё залішне кароткае, каб марнаваць яго на палітыку». Светлана Алексиевич мне пишет: «Дорогой Владимир, нет, я никогда не хотела заниматься политикой вплотную и в этом случае тоже не буду. Политикой надо заниматься, ей надо отдать много сил и времени, а я писатель, я хочу писать книги. И это тоже требует много сил и времени, требует всей жизни».

Алексиевич в 2019 году стала вице-президентом международного ПЕН-клуба и возглавила беларусский ПЕН-центр, хотя обычно сторонится участия в организациях. Акудович принципиально не вступает ни в какие организации.

Время от времени и та, и другой могут подписать какое-то обращение, петицию к общественности или властям, где-то выступить, что-то общественно значимое сформулировать в интервью.

При огромном уважении к этим двум лидерам общественного мнения я ощущаю себя полной их противоположностью. Я участвовал в организации двух партий и двух политических движений, организовывал и возглавлял несколько общественных организаций и движений, принимал участие в многочисленных протестных акциях и мероприятиях, вплоть до голодовки. Я не писатель, меня не издают за рубежом, хотя первая моя книга вышла в Латвии, уже независимой, и некоторые мои работы в России считаются хрестоматийными в кругах узких специалистов. Моя публицистическая деятельность замыкается на Беларуси, на беларусском гражданском обществе.

Валентин Акудович в личных разговорах осуждает меня за мою публицистику (за редким исключением), считая, что я размениваюсь и трачу время на «ерунду».

А Светлана Алексиевич (позволю себе цитату из личного письма) говорит: «Не пропускаю ни одну вашу статью, это всегда интересно, а главное — даже когда я не дома, благодаря вам я знаю, что дома происходит. И знаю не то, что называется из первых рук, а от единомышленника. Не устаю восхищаться вашему умению не поддаваться отчаянию, долбить и долбить в одну точку, хотя общество молчит, спит в коме...»

Но ведь я не сплю!

Светлана Алексиевич говорит в одном из последних интервью: «Беларусское общество ничего не решает. Все решает один человек, к сожалению. Вот такая система власти выстроилась, а беларусское общество ведет себя так, будто его и нет. Оно, видно, не созрело для каких-то явных гражданских поступков».

Я привык личностно воспринимать то, что говорят уважаемые мною лидеры мнений. Вот и это я отношу непосредственно к себе: «Беларусское общество ведет себя так, будто его и нет. Оно, видно, не созрело для каких-то явных гражданских поступков».

Если нет беларусского общества, то нет и меня. Если оно не созрело до явных гражданских поступков, то и мои поступки незрелые. Но я не могу с этим согласиться. “Jeszcze Polska nie zginęła, kiedy my żyjemy”. Примерно так же могу сказать и я: «Общество не погибло, пока есть мы!»

Кто это «мы»? Ну, во-первых, это я сам. А что же Акудович и Алексиевич? Они же для меня лидеры! Я не мыслю общество без

них.

Но одно из самых пронзительных эссе Акудовича называется «Без нас»[14]. С грустью и печалью он там признается, что все значимые события в стране и обществе происходят без нас. Без Алексиевич и меня, без самого Акудовича.

А самое известное произведение Акудовича — это «Мяне няма. Роздумы на руінах чалавека»[15]. Далеко не сразу я стал понимать, что хотел сказать этим сам Валентин. Понимаю его чувства, которые он оформил в мысли и слова своей метафизики. Мне не нравятся ни его метафизика, ни слова, которыми он ее формулирует. Но я понимаю саму идею и те чувства, которые привели его к этой идее.

Ведь и у меня возникают аналогичные чувства, когда я читаю у Светланы Алексиевич: «ведет себя так, будто его и нет». Это ведь про беларусское общество! А значит, и про меня! А я есть!

Но раз это про беларусское общество, то это не только про меня, но и про саму Светлану Алексиевич. А она есть? Ладно Акудович, он сам про себя утверждает, что «мяне няма». Потому что чувствует свою полную ненужность обществу.

И Светлана Алексиевич чувствует свою ненужность обществу: «Сейчас у нас делают вид, что меня как бы нет. Я не выступаю на официальном телевидении, а когда у меня были юбилеи, Александр Лукашенко делал вид, что меня не существует. И даже когда я получила Нобелевскую премию, стояло полное молчание». И я понимаю ее чувства.

Но я читаю ее слова и вижу там сослагательное наклонение «как бы». Светлана Алексиевич не метафизик, как Валентин Акудович. Тот категоричен в своем «мяне няма», а тут сослагательное наклонение «как бы».

А помнит ли Светлана Алексиевич кампанию «Святкуем Нобеля разам», к организации которой и я имел отношение? Помнит ли она, как тысячи людей через интернет слушали ее Нобелевскую речь, встречали ее в аэропорту?

Помнит, конечно. Но есть официальные СМИ, а они молчали или говорили «сквозь зубы». И «Александр Лукашенко делал вид, что меня не существует».

Когда меня спрашивают про то, что такое гражданское общество, я называю имена: Светлана Алексиевич, Валентин Акудович... И могу назвать еще много имен хороших, талантливых,

честных людей. Но среди этих имен нет имени «Александр Лукашенко».

Почему для Светланы Алексиевич важнее, что этот персонаж «делал вид, что меня не существует», а не то, что говорят и делают тысячи других людей? Почему в личном письме она говорит: «Не пропускаю ни одну вашу статью... Не устаю восхищаться вашему умению не поддаваться отчаянию, долбить и долбить в одну точку». А в публичном интервью она же сообщает: «Беларусское общество ничего не решает... Беларусское общество ведет себя так, будто его и нет. Оно, видно, не созрело для каких-то явных гражданских поступков»?

Долбить в одну точку — это поступок. Незрелый? Что ж, оценка лидера мнений Светланы Алексиевич мне важна. Буду над этим тоже размышлять, хотя, навскидку, не согласен.

Сегодня гражданское общество — это те, кто противостоит авторитарному режиму в государстве. Гражданское общество — это всегда альтернатива государству. И у гражданского общества и государства всегда не совпадают оценки и мнения. Если Александр Лукашенко от имени государства делает вид, что Светланы Алексиевич как бы не существует, гражданское общество поступает иначе и устраивает ей торжественную встречу после Нобелевской речи.

У гражданского общества и государства разные нарративы.

В тоталитарном обществе вождь говорит: «Надо!», тоталитарное общество (не гражданское) отвечает: «Есть!» в открытом и гражданском обществе все не так.

К сожалению, все не так и у нас. Светлана Алексиевич и Валентин Акудович очень внимательные, тонко чувствующие люди, они улавливают мельчайшие вибрации общества. Но они разделяют нарратив народников и тоталитаристов, по недоразумению совпадающий с нарративом постмодернизма. Они путают народ и массы, официальную позицию и мнение народа. Они не видят гражданского общества в хаосе массового сознания.

А оно есть!

Гражданское общество в Беларуси существует.

Во-первых, это эти двое — Валентин Акудович и Светлана Алексиевич. И их слова, мнения и оценки заслуживают внимания, а вот то, что несет Александр Лукашенко и что повторяют массы

населения, не заслуживает. Их надо учитывать, надо с этим считаться. Но совсем иначе, чем это делают Акудович и Алексиевич.

Во-вторых, вместе с Акудовичем и Алексиевич есть я. Нас уже трое. Но это риторическая фигура дискурса. Нас много. Мы, гражданское общество, — это те, кто читает Алексиевич и Акудовича. А если они оба еще и читают то, что я пишу, то у нас плотная коммуникация в гражданском обществе.

Вот только слышим ли мы друг друга?

***

Когда-то небольшой кружок (есть такая форма организации гражданского общества) интеллектуалов пришел к идее, что нужно создавать новую партию, поскольку старые не справляются. Был определен и лидер этой новой партии — Станислав Богданкевич. Через некоторое время и эта партия проиграла режиму битву в парламенте. Тогда я написал тезисы, адресованные одному человеку — Станиславу Богданкевичу. Я написал о том, чего не понимает лидер партии, лидер единственной оппозиционной фракции в парламенте, единственный на тот момент человек, который мог сделать то, чего не мог никто другой.

Написал, принес текст Станиславу Богданкевичу и еще на словах разъяснил все необходимое.

Дальше следует совершенно народническая реакция, она же постмодернистская: это все ерунда, народ этого не поймет. Богданкевич послал меня тогда на проходную тракторного завода, чтобы я поговорил с рабочими, а не писал такие длинные, сложные, заумные тексты.

Но я писал это для ОДНОГо человека, для гражданина, который в тот момент занимал ключевое место в политической жизни. Это не нужно было рабочим тракторного завода. Это не нужно было даже партийным массам ОГП. Это нужно было одному! Требовалось его личное понимание, его личное действие и поступок. Больше никто, кроме него, не мог этого действия совершить.

И он этого не сделал. Это был провал гражданского общества и политической оппозиции.

Гражданское общество — это не массы! Это люди. Индивидуальные люди. Часто уникальные, т.е. незаменимые на своих местах, в своих позициях.

Богданкевич тогда был незаменим на своем месте, в своей позиции. И не мог позволить себе на этом месте в той позиции думать так, как рабочие тракторного завода. Но он позволил себе именно это. Он думал так, как думал, что так думают народные массы. То есть как бы, как будто бы думал. А на самом деле не думал вовсе. Он просто автоматически изрекал готовые мнения, упакованные в господствующий нарратив, расхожие штампы и предрассудки массового сознания.

«Общество ведет себя так, будто его и нет» — это штамп, банальный предрассудок. Но ведь и в банальных штампах есть доля истины.

Да, если раз за разом лидеры мнений, ЛОМы, писатели, философы, политики будут повторять, что общества нет, что мнения масс и мнение Лукашенко ценнее, важнее и значимее мнения Алексиевич, Акудовича (про свое уж умолчу), то его и не будет. Есть Алексиевич, есть Акудович, ну и я тоже есть. А общество? Гражданское общество?

Гражданское общество проявляет себя в действиях и поступках. Но гражданское общество совершает поступки и действует на основе разума и критического мышления.

Разум и мышление определяют общественное сознание.

Действия таковы, каково сознание, сознание таково, какова работа разума.

«Причина зла есть ошибка в мышлении».

Отождествлять общественное мнение гражданского общества, состоящего из разумных сознательных граждан и ярких индивидуальностей, с предрассудками массового сознания есть ошибка мышления. Это главное зло постмодерна и народничества — отказ от идеалов Просвещения.

Примечания

14 Акудовіч, В. Без нас.
— Фрагмэнты

15 Акудовіч, В. Мяне няма. Роздумы на руінах чалавека. — Менск: БГАКЦ, 1998. — 204 с.
— Фрагмэнты

Гражданское общество проявляет себя в общественном мнении

Так есть гражданское общество в Беларуси или нет? Вот я говорю, что есть. Но есть и другое мнение. И какое же из мнений правильное, ближе к истине?

Современная мода не предполагает такой постановки вопроса. Еще бы, истина относительна, каждый имеет право на собственное мнение! А выяснять, истинно ли это мнение, неполиткорректно, а для многих даже и невежливо. Пусть каждый остается при своем мнении.

А как же общественное мнение?

Так и знаменитое бурдьевское «Общественного мнения не существует» в наше время понимается в этом постмодернистском духе: раз не могут быть истинными оба противоположных мнения, а все мнения имеют право на существование, то лишаем права на существование саму истину. Каждое мнение ценнее истины.

Строго логически следовало бы принять такое решение.

Но... Все не так просто. Ведь про истину то же самое, могут быть два мнения. Истина либо существует, либо не существует. И как тут быть? Снова оба мнения имеют право на существование?

Так вот нет.

С позиции, что истины не существует, второе мнение (о существовании истины) не имеет права на существование. С этим не раз приходилось сталкиваться. И это уже не имеет отношения к истине как таковой и к равноправию мнений. Отрицание права на существование мнения, что истина существует, вызвано тем, что существование истины обязывает.

Если истина существует, то не все мнения равны, некоторые мнения истинны, другие ложны. Если истина существует, то придется напрягаться и выяснять, какое из мнений ближе к истине. А выяснив это, придется отбросить некоторые мнения как ложные. То есть не имеющие права на существование.

Но ведь все мнения имеют право на существование! А если так, то приходится жертвовать истиной.

Почему мне так важно разобраться с правом на существование мнений, с существованием истины и с тем, существует ли общественное мнение, а не только индивидуальное?

Да потому, что общественное мнение есть признак существования гражданского общества.

Гражданское общество проявляет себя, в первую очередь, в общественном мнении. Уже потом это общественное мнение определяет действия и поступки граждан. Граждан как общества и граждан как индивидов.

Пьер Бурдье говорил о формирующемся, создающемся общественном мнении. Не существует общественного мнения в статике, оно постоянно пульсирует, меняется, плывет.

Измерили в социологическом опросе мнение на репрезентативной выборке о чем-либо, например, об X. Месяц обсчитывали и обрабатывали результаты опроса. Опубликовали данные, красиво оформили в таблички и графики. Спрашивается, что общество думает про X?

И, согласно Бурдье, истинным будет суждение: «Не знаем». Месяц назад общество «думало» так или люди отвечали про X вот это. Как они про это же будут отвечать сегодня, мы не знаем и знать не можем.

Когда мы с 31 августа 2019 года начали отсчет 100 дней до 8 декабря, назначенного днем подписания «дорожных карт углубленной интеграции»[16], самый частый вопрос, который нам задавали: «А что будет 8 декабря?» для большинства граждан эта дата ничего не означала, не существовало никакого общественного мнения на ее счет.

Что могли бы ответить люди, если бы их спросили про их отношение к предполагаемым 8 декабря событиям? Чего стоит это общественное мнение, когда люди почти ничего не знают?

Сегодня — уже 4 декабря, прошло 96 дней с начала кампании «Свежий ветер», в которой мы каждый день, насколько могли, говорили, писали, обращали внимание на будущее событие. Очень многие уже знают и подумали об этом, сформировали свое мнение об этом. Стоит ли их сейчас спрашивать? Чего стоит их мнение сейчас?

Да и сейчас почти ничего не стоит.

Да, сегодняшнее общественное мнение имело бы большое значение три месяца назад. Оно могло бы повлиять на события. А

сейчас оно практически никак не изменит ситуацию. 8 декабря нечто произойдет или чего-то не произойдет.

Что станет с общественным мнением, если это нечто произойдет? А что с ним станет, если не произойдет?

Это и есть проявление гражданского общества: то, что 4 декабря граждане думают о том, что случится 8 декабря, а также то, как изменится их мнение 9 декабря. Таким образом, мы можем оценивать существование гражданского общества через проявление общественного мнения и его изменение.

Про 8 декабря я думал, что совершится национальное предательство, аншлюс, рейдерский захват. Были и другие мнения про 8 декабря, противоположные моим. Все споры велись вокруг того, какое из этих мнений истинно. Так какое из них ближе к истине?

Да никакое!

Нельзя знать будущее. Поэтому проверять мнения о будущем на правильность или неправильность — наивно и даже вредно. Но мы так постоянно делаем: задаем неправильные вопросы.

Можно разобрать один яркий случай — ситуацию с перезахоронением Кастуся Калиновского[17]. После эксгумации останков повстанцев в беларусском медийном пространстве появлялись разные статьи и материалы, так или иначе связанные с этим событием. Одна из первых тем — на каком языке будут надписи на новом захоронении, будут ли надписи на беларускай мове. Этот вопрос был решен именно благодаря инициативе граждан. Отдельных граждан. Можно ли считать это признаком существования гражданского общества? в принципе, можно. Но не стоит торопиться.

Почти два года граждане себя не проявляли организованно. Время от времени появлялись статьи и интервью отдельных экспертов, историков или идеологов. Имеет ли это отношение к общественному мнению?

Частные индивидуальные мнения высказывались, и они противоречили друг другу. Кем был Кастусь Калиновский – беларусом, поляком, литвином? Было ли восстание под его руководством национально-освободительным или проявлением классовой борьбы?

Разные мнения, но они не могут быть одновременно истинными. Каждое из мнений, чтобы иметь значение, должно быть

доказано. Дискуссия по этим вопросам ведется в среде специалистов (историков, архивистов). Широкая публика может следить за этой дискуссией, а может ее игнорировать. Пока идет такая дискуссия, мы все еще не торопимся утверждать, что эти экспертные споры ведутся в гражданском обществе, а не в узкопрофессиональном сообществе.

Но осенью этого года была поднята другая тема.

Эксгумированные останки должны быть перезахоронены. Где? в Вильне-Вильно-Вильнюсе, где Калиновский был казнен, или в Минске?

Этот вопрос встал в июне 2019 года, но острая дискуссия разгорелась только в сентябре. И среди граждан выделились два противоположных мнения: одни высказывались за перезахоронение одного из повстанцев — лидера восстания Кастуся Калиновского — в Минске, другие были против. Эти два мнения вызвали острую дискуссию и разделили граждан на две группы.

Вот этот спор двух групп граждан уже может быть свидетельством наличия гражданского общества в Беларуси.

Но все еще рано делать окончательные выводы. Нужно анализировать дальнейшие события.

Высказанные мнения просты и понятны. Либо Вильня, либо Минск, либо разделение останков и захоронение части в Вильне, части в Минске. Какое же из мнений правильное?

А вот здесь такая постановка вопроса неуместна, некорректна, несерьезна. Истина может выясняться о прошлом, об эмпирически доступном. А в будущем истины нет.

Сейчас, после 22 ноября 2019 года, мы знаем истину — Кастусь Калиновский похоронен на Россах в Вильне. И любое другое мнение на этот счет ложно. А в сентябре вопрос о том, где будет похоронен Кастусь Калиновский, был открыт. Могло случиться и так, и так. Как можно спорить о том, что еще не случилось? и поэтому ни в каких утверждениях, тезисах и мнениях нет и не может быть истины.

Но вот об этом как раз и спорят в гражданском обществе.

И общественное мнение о будущем — и есть главная тема общественных дискуссий, конфликтов и отношений. **Истина в этих дискуссиях не может быть установлена, но в них устанавливается будущее.** в них появляется то, каким станет наше будущее.

В данном случае будущее уже наступило и 22 ноября уже было. Оно таково, каким стало в результате общественной дискуссии и решения гражданского общества.

Но было ли это решением? Может быть, это случилось само собой, без участия гражданского общества?

Что ж, мы снова имеем два мнения, и эти мнения противоположны:

- Кастусь Калиновский захоронен в Вильне по решению гражданского общества;
- к захоронению Кастуся Калиновского в Вильне гражданское общество не имеет никакого отношения.

И поскольку событие уже случилось, оно уже в прошлом, о нем можно спорить, можно выяснять истину. И верным может быть только одно из этих двух мнений.

Попробуем выяснить верность и истинность одного из этих мнений не в споре, а аналитически. Причем может быть два аналитических способа аргументации и доказательства: логический и эмпирический.

Логический

Решение вопроса о том, что делать в будущем или что случится в будущем, ведется в логике: «если..., то...»:

- Если бы правительство Беларуси официально обратилось к правительству Литвы..., то...;
- Если бы иерархи католической и православной церквей Беларуси согласовали свои позиции между собой, с позицией общества и позицией государства..., то...;
- Если бы общество и заинтересованные граждане не разделились на противоположные позиции и действовали согласованно..., то... И т.д.

Со слова «если» начинается формулировка условий, при выполнении которых возможно то или иное событие. И если эти условия выполнены, то наступает именно то событие, которое называется после запятой со слова «то» в суждении «если..., то...».

А если условия не выполняются, то событие не наступает.

Искомым событием было перезахоронение в Минске (событие 1). Это событие становилось возможным и действительным, если... Три условия я уже назвал. Если они не выполняются, то наступает с

необходимостью другое событие — перезахоронение в Вильне (событие 2).

Оно и наступило. Но почему?

Во-первых, потому, что условия события 1 очень сложны в реализации. Для того чтобы эти три (главных, потому что есть еще несколько частных) условия были выполнены, нужно было приложить колоссальные усилия. И гражданское общество было не готово эти усилия прилагать.

Во-вторых, потому, что событие 2 наступает автоматически, если ничего не делать. Ничего не делали — вот это и случилось.

На этой второй причине наступления событий основаны многочисленные «предсказания-прогнозы». Такие пророки и прогнозисты почти всегда правы. Они легко предсказывают события, типа того, которое мы здесь обозначили номером 2.

Так вот. Событие 1 было возможным. На короткий период открылось «окно возможностей». Но в горячей дискуссии, длившейся всего несколько дней, гражданское общество решило не напрягаться и ограничиться заявлением позиции.

Но дискуссия была! Общественное мнение разделилось. Каждая из двух позиций была заявлена и внутри страны, и в Литве.

Это доказывает существование гражданского общества.

Эмпирический

Во-первых, дискуссия в обществе по этой проблеме была. Была? Глупо спорить еще и по поводу истинности этого утверждения. Дискуссия была. Она велась в группах и личных взаимодействиях людей с противоположными мнениями. Она велась в СМИ. Она вылилась в два обращения к Сейму Литовской Республики с противоположными предложениями. И дискуссия была публичной на Международном Конгрессе исследователей Беларуси. Эта часть общественной дискуссии велась на уровне, достойном самой высокой оценки, аргументированно, с релевантными обоснованиями каждой из позиций, с уважением к противоположной позиции. И этот факт зафиксирован, и оценка этому факту дана.

Во-вторых, само событие перезахоронения Кастуся Калиновского в Вильне с участием беларусской общественности. Кроме фиксации этого факта в текстах, фото- и видеоматериалах,

имеет значение впечатление, которое это событие произвело на самих участников и на тех, кто следил за всем этим дистантно.

Гражданское общество Беларуси было визуализировано 22 ноября в Вильне, поэтому его существование можно считать установленным фактом. Но все не так просто.

Может оказаться мало и логических, и эмпирических доводов и аргументов. Придется разбираться дальше, искать практические доводы. Поскольку практика — критерий истины, поэтому разберемся с практикой.

Примечания

16 31 августа 2019 года стартовала общественно-политическая кампания «Свежий ветер», основной целью которой было предотвратить подписание дорожных карт по «углубленной интеграции» Беларуси и России, назначенное на 8 декабря 2019 г.

17 «Официальные беларусские власти довольно сдержанно реагировали на обнаружение останков беларусского героя, а активность в деле его мемориализации проявляли скорее под давлением гражданского общества. Так, когда останки Кастуся Калиновского только были обнаружены, литовские историки в интервью для беларусской службы Радио «Свобода» говорили, что власти в Минске не проявляют должного интереса в связи с этим событием. Но после открытого письма беларусского писателя Андрея Горвата главе МИД Беларуси Владимиру Макею с призывом принять участие в перезахоронении Калиновского и признать его национальным героем белорусский МИД заверил о своей готовности взаимодействовать с литовскими партнерами».
— DW

О роли теории в понимании гражданского общества

Без теории даже элементарного гвоздя забить нельзя. Получить опытное знание, разбив несколько раз пальцы и испортив какие-то вещи, можно. Но уже изготовить гвозди и молоток можно, только зная свойства сплавов и механику. Материаловедение не освоить на индивидуальном опыте, это теоретическое знание, т.е. получено оно многими людьми многих поколений и осваивается в обучении, в том числе по книгам. Некоторые сплавы получали опытным путем и механическим способом, таким как многократная ковка. Сегодня так уже никто не делает. Но в социальной и политической реальности почему-то считается, что ковать — это единственный способ.

Ни у одной беларусской партии и политической силы нет теории. Политические лидеры всячески препятствуют проникновению теории в деятельность их партий. И у такой установки есть объяснение. Теоретик — это тот, кого нужно слушать, кто выглядит умнее непосредственного лидера, а этого допускать очень не хочется. Лидер — лицо, принимающее решение, и принимает решения он сам, без умников и теоретиков.

Лицо, принимающее решение, без теории никогда не может принять правильное решение.

Однако по порядку.

В 1999–2000 годах мне довелось участвовать в двух группах «общественно-политического диалога», который пытался тогда организовать Ханс-Георг Вик, возглавлявший миссию ОБСЕ в Минске. Одна из групп была посвящена развитию гражданского общества. И участвующий в группе лидер компартии Сергей Калякин с гордостью заявлял, что только у КПБ — Коммунистической партии Беларуси — есть концепция развития гражданского общества.

Я с удивлением спрашиваю у него: «А вы точно коммунистическая партия?» Он не понял моей иронии. Дело в том, что в основе коммунистической теории лежит отрицание

гражданского общества как буржуазной выдумки и вместо него предлагается диктатура пролетариата.

Ну, да Бог с ними, с коммунистами. В чем был прав лидер КПБ, так в том, что ни у какой другой партии своей концепции не было. Концепция — это теоретический продукт, любой продукт — это результат работы. Концепция — результат теоретической работы. Что это значит?

Во-первых, готовые теории бывают, но они непрактичны. Для практики нужны концепты и концепции. Они могут выводиться из готовых теорий, но выводятся — т.е. делаются. Это дело и есть теоретическая работа.

В любой практической и практикующей организации должна проводиться теоретическая работа. Это касается и государственных структур, и бизнеса, и общественных некоммерческих организаций. Теоретическая работа может быть не главной, не постоянной и не непрерывной. Но для подготовки концепции деятельности на какой-то период без такой работы не обойтись.

Во-вторых, поскольку концепция — это результат теоретической работы, то и освоение, и изучение концепции — это теоретическая работа. Невозможно реализовать то, чего не освоил, не изучил, не выучил.

Теоретическая работа нужна и для того, чтобы придумать, замыслить, спланировать действие, цепь действий, программу действий, и для того, чтобы этот замысел или план осуществить. И вот этого всего в беларусских партиях нет, и даже в некоторых случаях это запрещено.

Дело осложняется еще и тем, что теории в обществоведении и в естественных науках принципиально разные. В социологии и политологии нет и не может быть фундаментальных законов, подобных законам природы, действующих независимо от понимания их деятелями. Законы природы действуют независимо от того, открыты они наукой или неизвестны никому. В обществе так не бывает.

Последним серьезным мыслителем, который пытался открыть и сформулировать объективные законы развития и функционирования общества, был Карл Маркс. Но уже Макс Вебер описывал только идеальные типы. После «Нищеты историцизма» Карла Поппера такими глупостями никто не занимается.

Тогда что такое социальная или политическая теория, если она не претендует на универсальность и открытие законов, подобных тем, которые есть в естественно-научных теориях?

Я не стану тут разворачивать методологию социальных и гуманитарных наук. Я делал это в специальных текстах. Да и мировая литература сегодня вполне доступна. При работе с социальными и гуманитарными явлениями самое важное — конкретность, т.е. работа с уникальным и единичным явлением. Это значит, что объект знания не имеет аналогов, он ни на что не похож, и невозможно перенести знание об объекте А на объект Б.

Для ясности. Можно подвести уникальный единичный объект под некий класс объектов или тип.

Так, государство в Беларуси — это не монархия, а республика. Но Китай — тоже республика, и Эстония — тоже республика. Значит ли это, что то, что мы знаем про Китай и Эстонию, можно перенести на Беларусь?

Все счастливые семьи так же уникальны, как и несчастные, что бы там ни говорил адепт историцизма Лев Толстой.

В естественных науках, математике и логике есть понятия, которые справедливы в отношении любого объекта, которые подпадают под это понятие. Не нужно каждый треугольник измерять, чтобы убедиться в том, что сумма его углов равна 180 градусам. Все треугольники одинаковы в этом отношении.

В общественных науках тоже есть понятия. Например, есть понятие «республика». Но эти понятия относятся к идеальным типам. Ни одно конкретное уникальное явление этими понятиями не схватывается. А со времен схоластики все знают, что для уникальных явлений нет понятий. Каждое уникальное явление необходимо изучать отдельно, не торопясь подводить под понятие и общий род, как в формальной логике.

Но все же понятия имеют огромное значение в социальном знании. Они не дают ничего в описании уникального явления или единичного объекта, но позволяют сформировать ожидания от него.

Вот, например, понятие «Республика Беларусь». Зная, что такое республика, мы можем совсем ничего не знать про Беларусь. И в любой исторической и политической ситуации Беларусь ведет себя не как республика, а как уникальная, ни на одну другую страну и республику не похожая Беларусь.

А что такое Беларусь? и почему она ведет себя не так, как можно было бы ожидать от другой какой-нибудь республики? Вот в этом и состоит назначение исследований уникальных единичных объектов. Беларусь подлежит изучению как уникальный единичный объект.

Имея знания об уникальном и единичном объекте, мы можем соотносить полученное знание с понятиями идеальных типов. Соотносить между собой то, «что есть», с тем, «чем должно быть». И очень часто оказывается, что то, что есть, отличается от того, чем оно кажется. «Быть», «являться», «казаться», «стараться быть», «избегать казаться» и т.п. — это все становится предметом исследований.

Уже много лет, даже десятилетий ведутся жаркие споры о том, сформировалась ли беларусская нация, или ее вовсе не существует. Эти жаркие споры чаще всего ведутся в пространстве идеальных объектов, идеальных типов, теоретических понятий. Все эти споры совершенно бесплодны, пока мы не принимаем во внимание все эти категории: «быть», «являться», «казаться», «стремиться», «хочется», «можется».

Беларусы все вместе кажутся чем-то одним, а являются чем-то другим, хотели бы быть чем-то третьим и избегают уподобляться чему-то четвертому и т.д. И в этом нет ничего необычного, нелогичного, неправильного. Так ведут себя все нации. Есть понятие «нация», и оно не соответствует ни одной конкретной из существующих наций. Все конкретные нации стремятся быть как можно меньше похожими на шаблон, стандарт, абстрактное понятие. Все хотят быть уникальными и непохожими.

Но это стремление все же проявляется по-разному. В стандартных ситуациях все ведут себя как нации, разные, но все же нации. Или не ведут. От чего это зависит? А зависит это как от того, что люди знают о нации как о понятии, так и от того, что они знают о себе.

В этом главное отличие гуманитарных понятий от естественно-научных. Так, треугольник остается треугольником, дождь — дождем, собака — собакой независимо от того, знает ли треугольник, что он треугольник, дождь, что он дождь, собака, что она собака (кстати, с собаками это уже с оговорками). А вот нельзя быть инженером, не зная, что ты инженер.

А как человек может знать, что он инженер?

Папа с мамой могут купить сыну диплом, и там написано, что Василий такой-то — инженер. Сделает ли такой диплом Василия инженером? Нет, конечно. Это легко проверить, поставив Василия в определенную ситуацию, где от него ожидают действий и поведения инженера. Если он соответствует ожиданиям, можно признать его инженером, если нет, то нет.

Гуманитарные понятия недействительны без знания о них.

То же самое касается и гражданского общества и нации. Нация — это воображаемое сообщество. И люди из этого сообщества тогда и только тогда могут стать нацией, когда: а) знают, что такое нация по понятию; б) освоили все нормы и традиции нации, стандартные реакции на вызовы и многое другое.

Но когда люди путают принадлежность к нации с тем, что записано в пятой графе маминого и папиного паспорта, у них возникает когнитивный диссонанс. Они смотрят на свой паспорт гражданина Республики Беларусь и задают себе вопрос, на который нет ответа: «Кто я, если у меня папа — поляк, а мама — украинка?» Или совсем анекдотичный случай с сыном, у которого папа — юрист, а мама — русская.

Учитывая все сказанное, нация — это, во-первых, множество людей с паспортом гражданина Республики Беларусь. Это по понятию. От каждого из этого множества мы можем ждать поведения, которое в массовом виде соответствует ожиданиям от нации. Но каждый конкретный гражданин может совершенно не соответствовать нашим ожиданиям. И по самым разным причинам.

Во-вторых, нация — это подмножество людей во множестве граждан, которые знают, что такое нация по понятию и что такое конкретная и уникальная беларусская нация. Это уже конкретная нация, а не абстрактное понятие. Естественно, это подмножество меньше первого.

В-третьих, нация — это подмножество людей во множестве знающих, что они нация, которые освоили формы и стандарты поведения, присущие конкретной беларусской нации. По поведению и проявлениям людей этого подмножества любой внешний наблюдатель может сделать вывод о существовании беларусской нации. Естественно, что это множество намного меньше первого и второго.

Спрашивается, какой численности последнего подмножества будет достаточно, чтобы члены самого большого множества и

любой внешний наблюдатель избавились от сомнений в существовании беларусской нации?

Вопрос конкретный, и ответ на него может быть получен только практически. Нужно, чтобы люди этого подмножества совершили хотя бы несколько действий и поступков, соответствующих идеальному представлению и понятию нации, причем таких, которые несвойственны ни одной другой нации.

Но оставим пока нацию в покое.

А что же с гражданским обществом? Как проверить его существование на практике? Так вот, с гражданским обществом все то же самое, что и с инженером Василием, и с беларусской нацией.

Я, гражданин Республики Беларусь, освоивший все принципы гражданского действия и поведения, участвующий во всех проявлениях гражданского общества, наблюдающий рядом с собой таких же активных и знающих граждан, точно знаю, что гражданское общество в Беларуси есть.

И мне приходится вступать в полемику с людьми, у которых нет необходимых и достаточных составляющих. Они не ведут себя как представители гражданского общества, не осознают себя таковыми. Поэтому они не могут увидеть тех, кто ведет себя и поступает как член гражданского общества.

Они не видят уникальности и индивидуальности беларусского гражданского общества, поскольку им не с чем сравнивать, у них нет знания и понятия о гражданском обществе.

И все они, наблюдая меня и другие проявления гражданского общества, не видят его и твердят, что гражданского общества в Беларуси нет. То есть, видя меня перед собой и в многообразии моей гражданской практики, они утверждают, что меня нет.

И я не могу им ничего доказать. Они ведь смотрят открытыми глазами, смотрят и не видят. Но они и не могут увидеть, если того, что они не видят, нет в понятиях, категориях и в сознании. Они хотят видеть гражданское общество примерно так же, как ощущают дождь, струями заливающийся им за шиворот.

Гуманитарные и социальные объекты и явления даны совсем не так, как природные. Для них справедлив древний принцип Протагора: человек есть мера всех вещей, существующих в том, что они существуют, несуществующих в том, что они не существуют.

Какой мерой мерите, то и получаете. Но в данном случае мера — это ты сам.

Скажи мне, существует ли гражданское общество в Беларуси, и я скажу, кто ты.

Почему политики не видят гражданское общество

Беларусские политики не знают беларусского общества, как, впрочем, не знают и своей страны. Их взгляды и установки основаны на теориях, которые они усвоили через образование. Эти теоретические представления проявляются в риторике, в вопросах, которые их волнуют, в действиях, которые они совершают. Теоретический фундамент, на котором строятся все представления беларусских политиков, сводятся к трем подходам.

Материалистический подход.

Первый и самый распространенный подход — это классовая теория марксизма в ее профанированной интерпретации. Классы рассматриваются как наличная реальность. Адепты этого подхода действительно верят, что классы существуют в реальности, что пролетариат — это основной класс, который нужно привлечь на свою сторону. Они видят стратегию и тактику политической борьбы очень примитивно: нужно вывести рабочих на демонстрацию — и все проблемы будут решены. Все надежды эти политики связывают с принципом «абсолютного обнищания эксплуатируемых классов», не вникая и не критикуя этот принцип, не привязывая его к конкретной ситуации. В профанированном виде это формулируется в басне про «конкуренцию холодильника и телевизора». Вот когда холодильник победит телевизор, тогда мы будем востребованы и придем к власти.

Все внимание этих политиков уделяется только таким темам, как зарплаты, цены, инфляция, безработица, особняки и «майбахи» и еще коррупция. Все остальное для них бессмысленная «философия и теория». Никакого идеализма, только прагматика.

Этнокультурный подход.

Самый популярный подход в конце перестройки и первого года независимости. Здесь, наоборот, сплошной идеализм и романтизм и практически никакой прагматики. Внимание уделяется вопросам

языка, символики, истории, традициям, немного религии и сакральности.

В период высшего подъема в рамках этого подхода политики и интеллектуалы действовали заодно. Потом этот подход теряет популярность. Национально-ориентированные интеллектуалы отходят от политической активности, сосредотачиваются на «працы арганічнай», ежедневной работе и творчестве, а политики, лишенные интеллектуальной поддержки, скатываются к голым лозунгам, повторяемым без изменений год за годом.

Вульгарно-либералистический подход.

Политики этого подхода читают Хайека и современных либертарианцев, они сторонники капитализма. Но, как метко подметил один американский философ еще в начале 1990-х, представления о капитализме эти люди черпают из марксизма и коммунизма по принципу отрицания. Их представления сформированы советской карикатурой на капитализм, поскольку коммунизм — это зло, то карикатурный капитализм они начинают считать благом. Все, что эти политики признают существенным и важным, — это деньги, прибыль, внешние признаки богатства.

Вся эта идеологическая каша и вульгарное понимание могут оставаться личным делом каждого из политиков. Но беда в том, что все это определяет коллективное бессознательное и предопределяет коллективные действия. И не просто отдельные действия, но тактику и «программу». И материалисты, и этнокультурники очень похожи. И те, и другие рассчитывают только на один вариант возможности победы над режимом — «100 000 на Площади». Других вариантов они не видят.

Первые ждут полного обнищания угнетенных классов, которое выведет людей на улицу. Вторые ждут прозрения у населения, которое тоже выведет их на улицу. Почему-то они все уверены, что на свободных выборах победят именно они, т.е. те, кто будет идти впереди колонн восставшего народа.

Такого никогда не бывает. История всех революций и бунтов убедительно показывает, что в случае успешного восстания власть получают вовсе не те, кто возглавлял это восстание, а кто-то другой.

Все такие политики абсолютно уверены, что они «знают жизнь», что только они трезво смотрят на реальность. Никому из них не нужны исследования, наука, теория. Кто бы из них ни находился у

власти, кто бы ни распределял государственный бюджет, все они сокращают расходы на науку и образование. А это ведет к дальнейшей деградации общества.

С каждым периодом политического цикла уровень политической риторики снижается, политика становится все примитивнее и примитивнее. В этом причина распространения популизма. Смысловые и идеологические рамки и границы между политическими партиями размываются, консерваторы уже почти неотличимы от левых, социал-демократы — от христианских демократов. Остатки идеологической риторики все еще сохраняются, но уже никто не придает им серьезного значения.

Так происходит во всем мире. Отличие Беларуси только в том, что у нас уже 25 лет не меняется режим.

Единственное, во что верят представители утвердившегося в стране режима — это деньги.

Монополизация права распределять госбюджет — основа современной власти. Режим продает и покупает все, что считает своим или хочет сделать своим. Накопление капитала нужно режиму для покупки лояльности электората и бизнеса, армии и академиков. Все продается и покупается.

Там, где не удается купить или продать, режим прибегает к насилию.

Ну а там, где не срабатывает подкуп и насилие, пускается в ход демагогия.

Длительная, четверть века «стабильности» в стране говорит о том, что коррупция в сочетании с насилием и демагогией оказывается очень эффективной политикой. Практически все группы и страты населения страны удовлетворены своим положением и своей изоляцией от других. Даже оппозиционные партии и лидеры.

В этой стабильности только гражданское общество оказывается страдающей стороной. Оно оказывается никому не нужным в стране. Ни режиму, ни оппозиции, ни бизнесу, ни религиозным конфессиям. Почему?

Критическое мышление — это основа гражданского общества. Гражданское общество, как любое общество, состоит из людей. Но от любого другого общества оно отличается именно культивированием критического мышления. Каждый человек

осознает себя частью и элементом гражданского общества тогда и только тогда, когда включается в критическое мышление.

То есть сначала человек осознает себя свободным:

- от государства и его идеологии (идолы Площади);
- от религии и ее догматов (идолы Театра);
- от бизнес-корпорации и ее корпоративных интересов (идолы Рынка);
- от традиции и ее ценностей и ритуалов (идолы Рода).

Это если соотносить освобождение со слегка осовремененными идолами Фрэнсиса Бэкона.

Осознав себя свободным, человек может критически отнестись к идеологии государства, к догматам религии, к эгоистическим и корпоративным интересам корпораций, к традиционным ценностям и ритуалам.

Когда внутри государственной структуры одна партия критикует другую партию, это еще не критическое мышление. Критическое мышление — это тогда, когда критикуется своя собственная партия. Критика конкурентов по бизнесу, критика еретиков в религии, критика традиций и ритуалов других культур — все это не мышление, не критическое мышление. Мышление начинается с критики оснований собственных действий, собственной позиции.

А отстаивание любой ценой собственной позиции или социальной структуры, с которой идентифицируется человек, только тогда имеет отношение к мышлению, когда это делается в коммуникации с другими свободными людьми, критически относящимся к собственным позициям.

Без прояснения и восстанавливания оснований собственной позиции невозможно участвовать в разумной коммуникации с другими свободными людьми. Такая коммуникация превращается в базар со взаимными обвинениями, обидами, чувствами, в ней ничто разумное не имеет шансов быть услышанным и принятым.

В Беларуси это наблюдается повсеместно. Все спорят со всеми, все обвиняют всех, все защищают собственную точку зрения, не допуская никаких сомнений в ее правильности и справедливости. Так ведут себя не свободные люди, а люди, зависимые от своей социальной группы, от места в структуре. Те, кто не придает ценности самим себе, но свою ценность понимают только через место, которое они занимают.

В строгом смысле, они даже не люди, они наполнение своих мест. В бизнесе и в партиях, даже в НГО все то же самое. Гражданское общество не разделено на места, диктующие людям поведение, это открытое пространство.

Если вы приходите на собрание людей и слышите в представлениях «Я здесь представляю такое-то учреждение или организацию», то можете сразу не рассчитывать на то, что на таком собрании будет критическое мышление.

Мыслить можно только в собрании свободных людей, не представляющих никого и ничего, кроме самих себя. Это страшно трудно. Даже в собрании, где люди не представляют организации и учреждения, а только идентифицируют себя с профессиональным статусом, говоря о себе «я экономист», «я историк», «я эксперт в такой-то области», мыслить тоже невозможно. Каждый профессионал будет долдонить догматы своей науки или дисциплины, заранее зная, что другие в этом ничего не понимают и не должны. Но хуже всего, никто из таких узких нераспредмеченных профессионалов не сможет увидеть общую проблему в целом. Поэтому не сможет ее помыслить.

За каждым социальным местом и должностью стоит явная или неявная теоретическая действительность. Все профессиональные знания теоретически оформлены. А реальные проблемы всегда конкретны и даны нам в уникальной ситуации.

Так как же можно мыслить вне навязанных нам теоретических установок?

Только одним способом: *критически относиться к своим знаниям, к своим теоретическим установкам и рассматривать любую проблему как новую, никогда прежде не встречавшуюся в твоей жизни и деятельности*.

На такое способны только свободные люди. Не посланные кем-то куда-то представлять какую-то организацию или чьи-то интересы. Свободные отказаться не только от корпоративных и эгоистических интересов, но обнулить все свои знания, стать совершенно наивным перед новой проблемой.

И на такое совершенно неспособны люди, которые все знают, и все их знания несомненны, которые обязаны говорить и даже думать только то, к чему их обязывает место, которое они занимают.

В гражданском обществе все равны. Равны в нескольких смыслах:

- Равны в силу того, что над ними не довлеют ни социальные статусы, ни происхождение, ни опыт, ни возраст и т.д. Для этого нужно «снять мундиры и погоны», разотождествиться с регалиями и статусами. Это трудно, но современные люди уже привыкли к таким требованиям.
- Равны в силу того, что перед общими проблемами, перед общим делом нации, города, сообщества никакие предметные знания и профессиональные умения не имеют преимущества. Озеленение города — это проблема не ботаников или экологов. Но каждого жителя. Это трудно — оставить предметные знания «за дверью» помещения для общественного собрания до того момента, пока они не будут востребованы в деятельности после принятия общего решения. Это еще труднее, чем «снять мундир и погоны».
- Равны в своей наивности и удивлении перед впервые вставшей проблемой. Это уж совсем трудно. Забыть, хотя бы на короткое время, непосильным трудом накопленный опыт и годами осваиваемые знания, наивно открыться удивительному новому миру. Проще в каждой новой ситуации видеть уже решенную старую задачу.

Гражданское общество — это совсем не просто. Оно не возникает само по себе. Оно организуется и строится на основе хорошо проработанной теории. Не на абстрактных знаниях из учебников и энциклопедий, в которых написано обо всем вообще, т.е. ни о чем конкретном. Хорошая социальная и политическая теория относится только к «здесь и сейчас», не к Гондурасу, а к Беларуси, и не к ВКЛ и БССР, а к Беларуси в 2020 году.

Только на основе такой теории можно совершать правильные и успешные действия[18]. А практика, как мы помним, критерий истины. Практика, построенная на теории, позволяет дать окончательный ответ о том, существует гражданское общество или нет.

Примечания

18 Такого рода теория разрабатывалась и обсуждалась, например, здесь: серия подкастов «Метод Мацкевича», преамбула к «Дорожной карте» беларусской революции, текст «Глобальное потепление после холодной войны».

II

Ключи к пониманию гражданского общества

Государство и гражданское общество

Мой подход к гражданскому обществу сильно отличается от того, как к нему подходят современные политологи, социологи и те, кто влияет, развивает и формирует гражданское общество. Наверное, их можно называть политиками или менеджерами.

Сначала о понятии. Понятие «гражданское общество» используется в разных предметах и дисциплинах, оно (понятие) входит составной частью в различные идеологические системы, в политические, научные и псевдонаучные теории. Но еще до того, как гражданское общество стало возможным наблюдать в реальности, о нем задумались и заговорили философы. Чтоб не закапываться в историко-философские дебри, приведу маленький отрывок из Википедии:

- Томас Гоббс, английский философ: «Гражданское общество — это союз индивидуальностей, коллектив, в котором все его члены обретают высшие человеческие качества. Государство превалирует над гражданским обществом».
- Джон Локк, английский философ: «Гражданское общество — это общество политическое, т.е. общественная сфера, в которой государство имеет свои интересы».
- Шарль Монтескье, французский философ: «Гражданское общество — это общество вражды людей друг с другом, которое для ее прекращения преобразуется в государство».
- Томас Пейн, американский просветитель: «Гражданское общество — благо, а государство — неизбежное зло. Чем совершеннее гражданское общество, тем менее оно нуждается в регулировании со стороны государства».
- Георг Гегель, немецкий философ: «Гражданское общество — сфера реализации особенно частных целей и интересов отдельной личности. Подлинной свободы в гражданском обществе нет, т.к. В нем постоянно присутствует противоречие между частными интересами и властью, носящее всеобщий характер».

- Карл Маркс и Фридрих Энгельс, немецкие экономисты и социологи: гражданское общество — сфера материальной, экономической жизни и деятельности людей. Именно оно является первичным по отношению к государству, гражданская жизнь как сумма разнообразных интересов скрепляет государство.

Это далеко не все и не глубоко. Но вот что в этих высказываниях важно!

В философии гражданское общество выставляется как альтернатива государству. То есть, не вдаваясь в содержание понятия «гражданское общество», не раскрывая его сущности, философия первично использует «гражданское общество» как категорию.

Оперирование категориями, в отличие от оперирования понятиями, начинается с апофатических полаганий. То есть сначала утверждается не о том, чем является гражданское общество (катафатический подход), а о том, чем оно не является. Гражданское общество — это не государство, а государство — не гражданское общество. И это есть категориальная оппозиция «гражданское общество — государство». Категориальная и категорическая оппозиция.

В этой оппозиции можно ставить акцент на одной или другой категории, но их нельзя понять друг без друга.

Философия работает с категориями и умеет это делать. Науке важнее понятия, а не категории, на основе понятий-концептов наука разрабатывает теории. Теорий гражданского общества существует уже огромное множество, и большая часть из них пуста, схоластична и тавтологична. Практика нуждается в концепциях — в развернутых для применения и использования концептах-понятиях. Чтобы что-то сделать, нужно иметь об этом понятие. Практика и деятельность «без понятия» есть халтура и симуляция. Использовать же многословную тавтологию непрактично. Так, непрактичны и все попытки создания гражданского общества в посттоталитарных странах и способы управления им. Хотя на эту симуляцию выделяются огромные средства и в этом бесплодном процессе заняты тысячи, десятки тысяч людей. А уже вокруг этой симуляции накручиваются разного рода псевдонаучные теории и исследования.

Я не вижу возможности прекратить и эту симуляцию, в это втянуты правительства, международные структуры, частные и государственные фонды, огромное множество НГО по всему миру. Но свою практику могу строить на рациональных основаниях, основах.

А в основе лежит именно эта рациональная **категориальная оппозиция**: гражданское общество — государство.

И в работе с этой оппозицией возможны два противоположных подхода: один — со стороны государства, другой — со стороны гражданского общества.

Я взял из Википедии шесть философских суждений. Причем очень древних, по нашим временам. Основные исследования и концептуальные разработки гражданского общества начались уже после Маркса с Энгельсом. Но мне сейчас они не так важны.

Важно следующее. Томас Пейн жил и действовал как раз в ту эпоху, когда гражданское общество впервые набрало силу и заявило о себе. Он был идеологом и участником американской и французской революций. Не будучи глубоким мыслителем, он был очень категоричен и точен в назывании вещей своими именами. Это он назвал XVIII век «Веком разума» и вдохновлял американцев на революцию памфлетом «Здравый смысл», написал один из первых трактатов на тему «Права человека». Так и в нашей теме Пейн был предельно категоричен и точен:

«Гражданское общество — благо, государство — зло».

Пусть неизбежное, но зло. Именно так и нужно работать с категориальными оппозициями, с любыми: «небо — земля», «свет — тьма», «свобода — власть (т.е. господство и подчинение)» и т.д.

Зафиксировав оппозицию категорически (+/–), можно разбирать и анализировать сложные содержательные отношения между э тими категориями. В этом смысле интересны высказывания философов, живших до Пейна и после него.

Гоббс, Локк и Монтескье не были столь категоричны. Они исходили из противоречий индивидуальных интересов людей в обществе и рассматривали государство как способ разрешения или примирения этих противоречий. Эти мыслители еще не различали понятия «общество» и «гражданское общество» и использовали их как синонимы. Но все они утверждали первичность общества (гражданского — с оговорками на

историческую практику, никто из этих мыслителей не видел гражданского общества) перед государством.

Иное дело — Гегель и Маркс, которые жили в эпоху, когда гражданское общество набирало силу и реально влияло на государство. Именно гражданское общество учредило государство в американских колониях английского короля, а гражданское общество Франции свергло монархию и учредило первую современную республику на европейском континенте.

Ни Гегелю, ни Марксу не нравилось государство, учреждаемое гражданским обществом. И Гегель совершает инверсию категориальной оппозиции. Он отрицает свободу в гражданском обществе. Что это означает?

С одной стороны, Гегель продолжает версию Гоббса об обществе без государства как о «войне всех против всех» или, по Монтескье, «общество вражды людей друг с другом». А с другой стороны, он придерживается противоположного им взгляда. Если Гоббс и потом французские просветители рассматривали «вражду людей друг с другом» и «войну всех против всех» как обратную сторону свободы, то Гегель заявляет, что гражданское общество вовсе не свобода, а наоборот. Свободу же он декларирует в государстве.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель не менее категоричен, чем Томас Пейн, в своем этатизме он отходит от своей же диалектики.

Зато диалектичны Карл Маркс и Фридрих Энгельс. И вовсе не категоричны. Им не нравится ни государство, ни гражданское общество, которое они предпочитают называть буржуазным и филистерским.

В этом отношении Маркс и Энгельс стоят в точке бифуркации разворачивания всей дальнейшей философии, общественной и политической мысли про оппозицию «гражданское общество — государство». Политическая мысль и общественно-политические движения со второй половины XIX века распределились между двумя полюсами: «анархизм — этатизм».

Анархизм — не совсем точное название для этого полюса. На этом же полюсе можно расположить и домарксовский коммунизм, который марксисты называют утопическим. Там же находятся самые разные антигосударственнические учения и движения. Это и анабаптисты Томаса Мюнцера, и фаланстеры Роберта Оуэна, и многое другое. Радикальное отрицание государства в политической

практике встречается не так часто, но в литературе этот подход разработан очень подробно.

Другой полюс — государственники, или этатисты. Самым высшим теоретическим достижением этатизма является гегелевское учение о государстве. Любители теорий попроще ищут основания этатизма в «Государе» Никколо Макиавелли или в «Государстве» Платона. Но на практике этатизм сильнее всего развит на Востоке, где никогда не было гражданского общества.

Все современные идеологии, политические течения и реальная политическая практика располагаются между этими двумя крайностями, далеко от каждого из полюсов. Крайний анархизм, как и крайний этатизм, остаются только в теориях.

От коммунизма (утопического) довольно быстро отошли марксисты, и социал-демократы, и коммунисты-большевики. Для реализации своих утопий им нужна была власть и сила, а государство оказалось очень полезным инструментом. Постепенно они стали любить власть больше, чем исходные утопии и идеалы.

На этом я остановлю рассуждение о философском смысле самой категории «оппозиция», поскольку не меньше философии меня интересует политическая практика, а эта практика тоже не может обойтись без «оппозиции», но уже не категориальной, а политической оппозиции.

Политическая оппозиция — это нечто внутри государства. Это не гражданское общество, которое является оппозицией государства категорически. Гражданское общество находится в оппозиции ко всему государству, и к той его части, которая имеет власть, и к той, которая находится в оппозиции к власти.

Со времен Томаса Пейна, с середины XVIII века, ведется отсчет современности — эпоха модерна с завершающим ее постмодерном.

Все государства эпохи модерна учреждены именем народа. Современные государства учреждаются гражданским обществом от имени всего народа. Гражданское общество — это форма проявления субъектности народа и нации. Свой суверенитет, свою волю народ реализует посредством гражданского общества.

Все философы, от Гоббса до самых современных, сходятся в том, что гражданское общество — это пространство свободы, а свобода проявляется в борьбе мнений, подходов, в различии интересов.

То есть в гражданском обществе нет «войны всех против всех», как это было до цивилизации (от слова *civitas* — «город», а уже потом *civis* — «гражданин»), но есть борьба мнений, позиций, оценок, полнейшая диалектика. Оппозиция в самом гражданском обществе — его неотъемлемое свойство.

Своя оппозиция может быть и в государстве. Но может быть, а может и не быть.

Если для гражданского общества оппозиция внутри него составляет его сущность, то государство в некоторых ситуациях может обходиться без оппозиции внутри себя.

Эти ситуации, когда возникает необходимость устранить оппозицию в государстве, пытались зафиксировать еще в римском праве и в обычаях разных народов. Так, римляне вводили диктатуру на время большой войны. Диктатор назначался сенатом, ему передавались военные и хозяйственные полномочия, и на время его полномочий все политические споры и разногласия прекращались. Режим чрезвычайного положения и ограничения политических свобод предусмотрен и в праве некоторых современных государств.

То есть наличие политической оппозиции не составляет сущности государства. В СССР оппозиции не было, и это не совсем то же самое, что «у нас секса нет», секс в СССР был, а оппозиции не было. Правда, по мере построения социализма Сталиным декларировалось обострение классовой борьбы. Для демонстрации этого обострения приходилось придумывать и изображать оппозицию и право-левый уклонизм. Была придумана оппозиция в «деле промпартии», потом в «деле космополитов», что-то еще, и «примкнувший к ним Шипилов».

Какое все это имеет отношение к реалиям современной Беларуси?

Прямое. Республика Беларусь — государство, в котором нет оппозиции. Нет ее в парламенте. Нет и самого парламента. Может ли быть парламентская оппозиция в несуществующем парламенте — интересный схоластический вопрос, не имеющий реального смысла. В несуществующем парламенте даже парламентских фракций быть не может.

А какой смысл в существовании политических партий, у которых нет никакой возможности быть представленными в парламенте? Этот вопрос не кажется таким схоластическим только потому, что

есть некие юридические лица в стране, которые имеют статус «политическая партия». Юридически они есть, а реально их нет.

В устройство современных государств заложен принцип разделения властей. В категориальном и концептуальном смысле это принцип оппозиции внутри государства: исполнительная власть находится в оппозиции к законодательной, а судебная — в оппозиции к ним обоим. Но чтобы так было, эти три ветви власти должны быть независимы друг от друга и порождаться гражданским обществом. То есть избираться им, причем в разное время и по разным принципам.

В Беларуси политической оппозиции нет с 2006 года.

Мне приходилось писать об этом, разбирая и анализируя поражение Милинкевича на тех выборах, разгон «Плошчы» в марте и последующие изменения в структурах государства и общества.

С 1995 по 2001 год политическая оппозиция уничтожалась разными средствами. Сначала были ликвидированы финансовые и материальные источники ее существования и функционирования, зачищен и взят под контроль весь независимый от государства крупный и средний бизнес.

Затем проведена серия физического устранения лидеров оппозиции.

С 2001 по 2006 год оппозиция существовала номинально. До 2004 года она была даже представлена фракцией из трех депутатов (и примкнувшей к ним Абрамовой) в несуществующем парламенте. А в 2006 году произошел полный разгром политической оппозиции.

Но в оппозиции к государству было и оставалось гражданское общество.

Вся история современной Беларуси последних 14 лет — это совместная борьба государства и всех без исключения политических партий с гражданским обществом. Партии, называющие себя оппозиционными, декларировали, что они борются не с гражданским обществом, а только с политизацией гражданского общества, однако это басня про хрен и редьку и про то, что чего слаще[19].

Примечания

19 Подробнее см.: Современное состояние Го / В.В. Мацкевич. — Methodology.by

Гражданское общество и СМИ

Гражданское общество немыслимо без общественного мнения, а общественное мнение невозможно без средств массовой информации.

СМи стали повседневной реальностью только со второй половины XIX века. Появились ежедневные газеты, которые быстро доставлялись к адресату. Появилась публика, день которой начинался с чтения утренней газеты, а вечер заканчивался в театре, кафе или клубе.

Гражданское общество в его современном виде зарождалось в городах, где повседневная жизнь активной части горожан протекала именно так. Типичными такими городами были Париж, Вена, Лондон. В этих городах издавались ежедневные газеты, часто утренние и вечерние выпуски. Газеты были частными, а не государственными. Отсутствовала цензура.

Была развита инфраструктура кафе, баров, пабов, в которых случайно или организованно встречалась читающая публика и обсуждала прочитанное в газетах. Газет немного, поэтому контент для обсуждения у всех был один и тот же.

Долгоиграющий контент находил отражение в театральных постановках. После спектакля публика превращалась в толпу, возникали спонтанные митинги либо на театральном разъезде, либо в прилегающих к театру кафе. В Вене в кафе очень кстати пришлось изобретение братьев Тонет — венские стулья, которые использовались как импровизированные трибуны, на них становились в полный рост, чтобы обратиться к окружающим. Выступающие могли читать стихи или произносить политические речи. Публика и толпа еще не очень различались между собой.

Из такого интенсивного общения возникли городские движения. Театры и газеты — два главных фактора жизни общества в развитых городах в Западной Европе.

До появления ежедневных газет общественное мнение если и существовало, то не имело большого значения. Информация распространялась в местах непосредственного скопления людей: на рынках и ярмарках, на общегородских религиозных праздниках,

на проповедях после богослужений в церквях. Общество в эту предшествующую эпоху было организовано в виде клубов, локальных сообществ. Это был век толп.

Публика отличается от толпы по способам порождения, получения и распространения информации. Именно тип средств массовой информации определяет способ существования публики.

В странах Восточной Европы не было ежедневных газет, а если и были, то они издавались властями: разного рода «Городские ведомости» или официальные государственные газеты. Не было развитой инфраструктуры баров, кафе и театров. Во всяком случае, инфраструктуры и СМи не хватало для того, чтобы создать тот свободный образ жизни, который был характерен для городов Франции, Англии, Западной Германии и Северной Италии. Такую повседневность в Восточной Европе можно было встретить в редких городах (Праге, Варшаве, Львове и т.п.). В Российской империи нечто подобное можно было встретить в Одессе, Вильне, Риге. Даже в столицах — Петербурге и Москве — такой образ жизни был экзотикой, встречался только среди университетской публики. Во всяком случае, до Первой мировой войны. Информационный шок обрушился во время Первой мировой на неподготовленное общество народов Российской империи.

В XX веке роль СМи для управления публикой была осознана. И сполна этим инструментом стали пользоваться большевики в России. Особый случай в этом отношении можно наблюдать в Германии. Объединенная Германия состояла из двух больших частей. Восток — это Пруссия с характерными милитаризацией и этатизмом. Запад — это старые города с типичным для Западной Европы образом жизни, традиционной демократией. Прусские власти видели роль и функции СМи и публики в западных землях, которые были подчинены Пруссии раньше Центральной Германии, и стали использовать эти инструменты в своих целях.

После Первой мировой войны изменился культурный ландшафт. На первое место в СМи вышло радио, потеснив ежедневные газеты. Кинематограф потеснил театр. Поэтому Ленин объявил кино «важнейшим из искусств», а Гитлер на полную мощность задействовал возможности радио.

Чем отличается радио от ежедневных газет?

Во-первых, скоростью донесения информации до потребителя. Сообщение может быть донесено до потребителя в момент

порождения — прямой эфир. Автор получает возможность вещать публике напрямую, почти как оратор на митинге. В начале своего существования проводное радио и использовалось почти как на митингах. Громкоговоритель на столбе и толпа, которая слушает то, что звучит.

Во-вторых, способ потребления информации. Газеты нужно было прочесть, осмыслить и понять. То, о чем написано в утренней газете, произошло вчера, а не прямо сейчас. Поэтому информация с задержкой не требует непосредственной реакции и осмысляется тоже с задержкой. Когда информация из газеты обсуждается с другими людьми, она уже осмыслена и обсуждается слегка отстраненно, рассудительно, а не эмоционально. Информация, транслируемая по радио, воспринимается сразу. И реагируют на нее эмоционально, а не рассудочно. И если толпа у громкоговорителя слушает сообщение, порождаемое прямо сейчас, она и реагирует здесь и сейчас. Без осмысления, но эмоционально. Люди видят эмоциональные реакции друг друга и заражаются этой эмоциональностью.

В-третьих, радио можно провести в каждый дом, и каналы распространения можно монополизировать. Сталин развернул широкую радиофикацию по всему СССР. Все слышали про электрификацию всей страны, но одновременно проводилась тотальная радиофикация. Порой радио проводилось в деревню раньше электричества. Сначала ставился столб с громкоговорителем, и всей деревней слушали официальные сообщения. Потом радиоточки проводились в каждый дом, в каждую квартиру.

Без радио тоталитаризм был бы невозможным. Традиционное общество обладает достаточным иммунитетом против газетной пропаганды и обычной агитации. Но против радио оно устоять не смогло.

В Западной Европе тоталитаризм столкнулся с сопротивлением публики, которая десятилетиями и поколениями была воспитана ежедневными газетами, неторопливым обсуждением информации в кафе и узких кружках. Поэтому даже радио в каждом доме не способно было искоренить привычки реагировать рассудочно, а не эмоционально на любое сообщение.

Конечно, газеты и радио — не единственный фактор, которым пользовались тоталитарные режимы для управления обществом и

подавления гражданского общества. Я упомянул кино как «важнейшее из искусств» и «фабрику грез». Были еще армия, полиция и главный фактор — массовая школа. Но пока оставим эти факторы за рамками.

Развитие СМи определяет и эволюцию гражданского общества. Очень грубо выделим пять периодов:

1. Традиционные общества: информация из уст в уста — сословное общество — абсолютизм.
2. До Первой мировой войны: ежедневные газеты и театр — публика — демократия.
3. Между Первой и Второй мировыми войнами: радио и кино — гомогенизация общества — тоталитаризм.
4. После Второй мировой войны: телевидение и массовые шоу — общество потребления — конвергенция тоталитаризма и демократии.
5. Современность: интернет — атомизация общества — ???

Гражданское общество в каждом из этих периодов не похоже на другие. Но это все же гражданское общество.

Первые три периода исследованы и описаны очень хорошо, существует огромное количество литературы об этом.

Четвертый период все еще является предметом исследований и дискуссий в академических и экспертных кругах. Литературы об этом еще больше, чем о первых трех периодах. Но ее качество оставляет желать лучшего.

Пятый период — это то, что мы имеем сейчас. Исследования его уже ведутся, но ничего определенного пока нет[20].

Примечания

20 Разработка представлений о современном состоянии гражданского общества велась, к примеру, в работах «Политтехнологии третьего поколения», «Россия проиграла войну» (о концепте консциентальной войны) и др.

Гражданское действие и поведение

Гражданское общество немыслимо без общественного мнения, общественное мнение невозможно без СМИ. Но гражданское общество — это еще и гражданское действие, гражданское поведение.

Люди не изменились за тысячи лет. Но в последние несколько веков люди еще и стали гражданами. У каждого человека есть человеческие потребности, заботы и хлопоты, люди ведут себя как люди, как представители своей культуры в соответствии с обычаями и традициями. Традиционное общество — это общество людей.

Гражданское общество — это общество граждан. Человек ведет себя, совершает гражданские поступки и действия не постоянно, а только в соответствующих ситуациях. Эти ситуации не случаются каждый день, даже не каждый месяц. Они складываются время от времени. И не для всех. Люди, «просто люди», не оказываются в гражданских ситуациях, они проходят мимо, или эти ситуации обходят их стороной.

Идеологи гражданского общества используют категорию «народ», «весь народ» и часто злоупотребляют этой категорией. Никогда весь народ не выходит на демонстрации, никогда весь народ не участвует в революции, бунтуют отдельные группы людей и включаются в решение национальных и иных политических проблем отдельные граждане.

Граждане могут вовлекать в свои коллективные действия других людей, для которых эти действия имеют совсем другой смысл или вовсе не имеют смысла.

Французские революционеры подбили толпу на штурм Бастилии. Кто был в этой толпе? Граждане? Не факт. Это были просто возбужденные разгневанные люди. Гнев вылился в штурм Бастилии, в штурм Зимнего дворца — он всегда выливается в какие-то такие поступки. Хорошие или плохие, разумные или бессмысленные. Хорошо, если гуманные и цивилизованные, а не кровавые и дикие.

Гражданское действие — это несколько иное.

Но сначала о том, как связаны между собой общественное мнение и общественное поведение и действие. А эта связь по-разному проявляется на всех этапах эволюции гражданского общества.

1. В XVIII веке идеалом граждан, образованной части общества и революционеров была непосредственная демократия Афин, республиканского Рима, средневековых городских коммун.

Но почти все они понимали, что та демократия уже невозможна в сословном обществе абсолютистских монархий.

Общество в те времена было устроено достаточно сложно. «Народ» уже тогда присутствовал как категория для обозначения части общества, большей его части. Но эта категория не содержала указания на субъектность и политическую правомочность. Это совсем не тот народ, что в афинской демократии, и даже не тот, что в римской республике. Народ принимался в расчет только как стихия, масса людей, способная организовываться в толпы и совершать нечто, с чем приходилось считаться властям и другим составляющим частям общества.

Собственно, обществом был «свет» — светское общество. В светское общество еще нужно было попасть — «выйти в свет». В нем выделялось еще и «высшее общество», поначалу, как правило, отождествлявшееся с придворным обществом, потом с высшими слоями по имущественному цензу и культурному капиталу. Малообеспеченный поэт, художник или ученый уже мог быть представлен или «выведен в свет». В свете были различные кружки, масонские ложи, клубы или сохранившиеся со времен средневековья ордена, гильдии, тайные и прочие общества.

И «свет», и «народ» были политически бесправны. Может быть, за исключением Англии, где дворянство имело политические права с XIII века в соответствии с Великой хартией вольностей, а также Биллем о правах конца XVII века. Привилегии шляхты Речи Посполитой были скорее средневековым пережитком. Они не отвечали требованиям времени. Выход в свет не давал ничего, кроме связей и знакомств. Связи могли открыть дорогу в клубы, из которых позже выросли политические партии.

Народные толпы в XVIII веке стали инструментом политической борьбы и политического действия. С помощью толп устраивались «Бостонское чаепитие» и штурм Бастилии.

У людей в толпе было мнение. Это совсем не то, что общественное мнение второй половины XIX века. Мнение толпы — это подхваченный лозунг или указанное направление применения силы. Мнение толпы возникает моментально, когда на фоне эмоционального возбуждения толпа начинает скандировать подброшенный кем-то лозунг. Между возникновением этого «мнения» и переходом к действию практически нет дистанции. Лозунг, призыв может моментально стать действием.

Это свойство толпы — моментальный переход от слов и мнений к действию — всегда ценилось политиками и лидерами. И всегда считалось очень опасным и недопустимым мыслителями и просветителями (мыслителями эпохи Просвещения). Именно в этом состояло двойственное отношение Иммануила Канта к Французской революции. Он восхищался ценностями и целями революции и возмущался проявлениями бунта толп и их разрушительным поведением.

2. Организация общества по принципам гражданского общества, которые сформировались в эпоху Просвещения и стали достаточно распространенными в XIX веке, увеличивала дистанцию между мнением и действием. От формирования общественного мнения до его реализации в политике должно было проходить некоторое время:

- Сначала общественное мнение формулируется на основе индивидуального мнения, имеющего потенциал стать популярным. Это тоже длительный процесс, предполагающий аналитическую работу и критику. Не совсем в смысле Канта, но близко к нему, можно связать этот этап с критикой способности суждения. Не каждое индивидуальное мнение может быть принято как суждение и не каждое частное суждение может лечь в основу общественного мнения.
- В процессе формирования общественное мнение должно пройти через общественные дискуссии по принципу «семь раз отмерь и один отрежь». Общественное мнение всегда диалектично. Каким бы ни было мнение большинства, само “большинство” не является достаточным основанием для принятия его мнения в качестве основания для действия. Чаще даже наоборот: мнение большинства является худшим основанием для политического действия и выбора.

Способность толпы моментально, без размышления и критики переходить от мнения к действию (от слов к делу) часто использовалась «светской публикой» и политиками в борьбе между группировками, партиями и подходами. Но к принятию перспективных решений и основательным политическим действиям толпу (и практически весь народ) никто допускать не собирался. Толпа использовалась для разрушения, а созидание оставляли за собой высшие слои общества.

Собственно, эти высшие слои после ликвидации сословных барьеров и считали себя гражданским обществом. По результатам рефлексии и осмысления Великой французской революции гражданское общество было отождествлено с буржуазией. Принадлежность к гражданскому обществу определялась имущественным и культурным цензом.

Буржуазия разделяла ценности демократии и Просвещения. На этом основании распределялось избирательное право как главный ресурс демократии. Избирательным правом наделялись представители гражданского общества (собственники и грамотные люди, способные формировать и критиковать мнения и суждения перед принятием решения). Большинство же народа было лишено избирательных прав.

Основными линиями раскола общества и социально-политических конфликтов в XIX веке стали:

- Избирательные права.
- Распространение грамотности и массовое просвещение.

В распространении грамотности и образования нуждались все правящие классы в условиях научно-промышленной революции и индустриализации. Но образование вело не только к повышению качества «трудовых ресурсов», но и одновременно — к осознанию прав. Осознавая свои права, народные массы начинали требовать участия в управлении, чтобы установить справедливость в распределении общественных благ.

На сцену истории выходит пролетариат, который начинает требовать сначала справедливого распределения общественных благ, а потом и избирательного права, чтобы самому участвовать в управлении этим распределением.

Но некоторым партиям пролетариат был нужен бесправным и нищим. Они рассматривали его как «негативный класс», как

потенциальную огромную толпу, которая может моментально переходить «от слов к делу».

«Негативный класс», или класс, которому «нечего терять, кроме своих цепей», — это основной ресурс революции. Он потому и негативный, что способен только на разрушение, на негативные действия. За этот ресурс, за управление «негативным классом» развернулась ожесточенная борьба самых разных политических клубов, группировок и партий. На бедный пролетариат вывалилась масса самых разнообразных слов и лозунгов.

Все стремились получить влияние на класс, способный быстро организовываться в толпу и создавать непобедимую общественную силу. За это влияние боролись проповедники и демагоги: от христианских проповедников до анархистов, от социалистов-утопистов до «научных коммунистов» Маркса и Энгельса.

Эта конкуренция за влияние на пролетариат требовала быстрейшего распространения просвещения и образования пролетариата. В этом интересы революционеров и буржуазии совпадали. Начинался газетный бум. Одноразовые листовки, ежедневные газеты, журналы и альманахи, брошюры и книги — все это стало ареной политической борьбы. Хотя никто не забывал о забастовках, баррикадах, бунтах и восстаниях.

Идеологическая борьба за влияние на пролетариат и использование пролетариата как «негативного класса» в своих корыстных целях для решения политических задач продолжалась до своей кульминации — Парижской коммуны.

С этого времени начинается эпоха доминирования буржуазного гражданского общества. Абсолютистские монархии России, Австро-Венгрии и отчасти Германии продолжали существовать, но стали уже анахронизмом.

Пролетариат в этот период теряет качества «негативного класса», он становится достаточно образованным, получает избирательные права. И главное: он пополняет гражданское общество через собственные клубы, партии, союзы. Гражданское общество становится «тардовской публикой», способной к критическому отношению к любому мнению.

Публика может иногда собираться в толпу, но это уже не те толпы, которые способны штурмовать Бастилию, устраивать революции и вести уличные бои. Дистанция от мнения до действия становится долгой, быстрый переход от слов к делу сильно

затрудняется. Не все политические силы довольны таким положением дел. Будущие большевики, фашисты и нацисты еще дождутся своего звездного часа.

Традиционное общество доживает последние десятилетия. Но архаичные абсолютистские монархии развязывают Первую мировую войну.

3. Войну они проигрывают. Абсолютизм закончился. Но кто выиграл в этой войне?

Российская монархия пала первой. Но в России так и не сложилось сильного гражданского общества. К власти пришли политические силы, которым удалось использовать свойство толп — моментальный переход от слов к делу. Важно было только внедрить в общество простейшие формулировки мнений.

Российские социал-демократы очень гордились научностью своего учения. Но это учение было доступно только очень узкому слою, небольшому клубу. Члены этого клуба называли себя «большевиками», «меньшевиками», «профессиональными революционерами». Все остальное общество для них делилось на врагов (буржуев, интеллигентов, дворян) и на народ (пролетариат и крестьянство, которых они рассматривали как «негативный класс», как ресурс для быстрого собирания толп и подталкивания этих толп на разрушение «до основанья, а затем...»). Что «затем» народу не сообщалось, а подменялось трескучими лозунгами. С 1917 года в России гражданское общество ликвидируется, начинается тоталитаризм. Вместо просвещения — радио и кино, вместо общества — трудовые армии, вместо повседневного труда — битвы за урожай и трудовые рекорды.

В другой проигравшей монархии первоначально устанавливается республиканское правление и демократия. Но самыми мощными политическими силами становятся коммунисты и нацисты. И те, и другие — сторонники «прямого действия».

Суть «прямого действия» обосновывается идеалами непосредственной демократии, но это только камуфляж. То, что реально нужно коммунистам и нацистам, — это моментальный переход «от слов к делу», от мнения к реализации.

Но и немецкие коммунисты, и набирающие силу национал-социалисты вынуждены были иметь дело не с городскими сообществами, как это бывало в революционном Париже (Будапеште, Вене и других городах), а с многомиллионной нацией.

Оратор мог докричаться до толпы на площади, направить эту толпу на штурм какого-нибудь здания. Но до миллионов докричаться с трибуны нельзя.

И тут на помощь приходит научно-технический прогресс. Гитлер в полной мере использует радио и зарождающуюся авиацию для быстрого перемещения по всей Германии. Помимо технических средств, нацисты первыми осваивают гуманитарные технологии, а именно — теорию толп Лебона и теорию публики Тарда, а также представления Вебера о харизматическом лидерстве.

Даже с помощью радио превратить публику в толпу может не каждый, для этого необходимо наделить говорящего в микрофон и звучащего из динамиков по всей многомиллионной стране лидера харизмой и непререкаемым авторитетом.

Тоталитаризм впервые был установлен в России, где не было многочисленного пролетариата. В качестве «негативного класса» использовались люмпены, деморализованная армия, обедневшие крестьяне и потерявшие ориентиры жители национальных окраин. Толпы деклассированных «красных», «зеленых», просто бесцветных бандитов разрушали все, до чего могли дотянуться.

Но теории и схем построения тоталитарного общества у большевиков не было. Этому Сталин учился уже у Гитлера в 1930-е годы. Харизматическое лидерство фюрера-вождя было скопировано в виде культа личности.

В странах-победителях в Первой мировой войне и в осколках империи Габсбургов образовались неустойчивые демократии. В условиях заканчивающейся индустриализации и в этих странах проявлялись тоталитарные тенденции. По фашистскому образцу в малых странах Восточной, Центральной и Южной Европы устанавливались диктаторские режимы.

Кто знает, смогли бы устоять перед натиском тоталитаризма старые демократии Старого и Нового света, если бы претензии нацистской Германии на мировое господство и установка СССР на мировую революцию не привели ко Второй мировой войне.

Тоталитарные режимы проиграли развязанную ими войну. Нацистская Германия проиграла сразу, а СССР пережил еще несколько десятилетий «холодной войны».

Демократии, гражданское общество оказались победителем в мировом масштабе. Эта победа была оформлена в Декларации прав человека, в создании инструментов контроля международных

отношений и предотвращения войн — ООН и Европейского объединения угля и стали (ЕОУС).

4. Но сразу после создания международных институтов демократического контроля мировое гражданское общество столкнулось с новыми вызовами.

Вызов гражданскому обществу бросали не только выжившие после Второй мировой войны тоталитарные режимы в СССР и КНР, но и общество потребления, возникшее в условиях послевоенного бурного экономического роста.

Удовлетворив потребности в «хлебе», обыватели развитых стран ощутили ненасытную потребность в «зрелищах», забывая о своих гражданских правах и обязанностях. Техническая сторона удовлетворения потребности в зрелищах удовлетворялась киноиндустрией («фабрикой грез»), тиражированной музыкой и распространением телевидения.

Достигнутая всеобщая грамотность позволила наделить избирательными правами практически всех, гражданские права и права человека были распространены на все население демократических стран. Но став всеобщими, гражданские права потеряли ценность в глазах обывателя, уступая потреблению материальных и «духовных» (скорее, зрелищных и развлекательных) ценностей.

Этим сразу же воспользовались политические партии и клубы, превращая выборы в шоу, а реализацию гражданских прав в обременительные процедуры, теряющие привлекательность в глазах обывателя. Демократия начала вырождаться в олигархию и даже в плутократию.

Ценности эпохи Просвещения (модерна) — критика, рассудок, дискуссия — получают новую трактовку в идеологии постмодерна.

Если в эпоху модерна и формирования гражданского общества общественная дискуссия, построенная на критическом мышлении, была призвана обеспечивать общественный компромисс и в идеале достигать общественного консенсуса, то в обществе потребления эпохи постмодерна выдвигается ценность диссенсуса, что делает дискуссию бесцельной и нерезультативной. Дискуссии проводятся ритуально, все остаются при своих мнениях, решения не принимаются, и к действию они не ведут. Политику и управление осуществляют олигархические группировки.

К концу 1980-х годов национальные государства (и гражданское общество, определявшееся в границах и рамках национальных государств) теряют свое влияние в мире, уступая место и главную роль транснациональным корпорациям (ТНК).

К этому времени получила распространение теория конвергенции двух общественно-политических систем: демократии и гражданского общества, с одной стороны, и социализма, с другой.

Но к этому же времени закончилась «холодная война» этих двух систем, в которой социалистический лагерь оказался проигравшей стороной и распался. Но зато социализм и социалистические идеи получили массовое распространение в странах «свободного мира», т.е. там, где больше столетия существовало гражданское общество.

Такая диалектическая ситуация имела несколько последствий.

Олигархи и плутократы, которые вывели ТНк на первый план в национальной и международной политике, взяли под контроль гражданское общество. Вместо самоорганизации, волонтерства и субсидиарной ответственности за свои решения организации гражданского общества (НГО и НКО) перешли на финансирование из бюджетов различных фондов.

Первые фонды, концентрировавшие финансовые ресурсы для поддержки общественных гражданских инициатив, сами были структурной частью гражданского общества. Но постепенно они стали частью государственной финансовой системы и перешли от фандрайзинга на гарантированное финансирование из государственных бюджетов. Это дало возможность государству контролировать активность НГО и НКО, диктуя им повестку дня и определяя те направления деятельности, которые получают финансирование, а значит, и конкурентные преимущества перед другими инициативами и проектами.

Типичной в этом отношении может быть история фондов Сороса. Первый фонд был основан Соросом в Швеции для поддержки чехословацкой «Хартии’77» еще в конце 1970-х. Это была типичная инициатива гражданского общества. Затем общий «Фонд открытого общества» действовал в разных странах и в таком виде просуществовал до середины 1990-х, когда содержать такой фонд стало не под силу даже миллиардеру. Фонд начал получать финансовое обеспечение из государственных бюджетов и стал

подконтрольным. То же самое происходило и с другими частными фондами такого типа.

Но передача НГО и НКо под контроль государств и правительств сопровождалась потерей ТНк влияния на мировую политику. Государства и наднациональные государственные структуры (ЕС в первую очередь) вернули себе господствующую роль.

5. В начале нового тысячелетия перед гражданским обществом встали новые проблемы. НГО и НКО, ставшие основной формой гражданской активности, попали в зависимость от фондов и государств, бюрократизировались и потеряли самостоятельность. Настоящая гражданская активность вынуждена искать новые формы для своего существования.

Это не так просто. Сохранились старинные формы, вроде масонских лож и полутайных обществ. Они продолжают свое существование, но скорее как декоративные и ритуальные элементы.

Сохранились модерные клубы и объединения и даже появились новые, вроде «Римского клуба».

Многие НГО и НКо пытаются вернуть себе инициативу и перехватывают влияние на фонды и госструктуры, навязывающие организациям свою повестку дня, эта борьба за инициативу идет с переменным успехом.

Религиозное возрождение, появление неопротестантских церквей, их бурное развитие в 1980–1990-е годы тоже отчасти было проявлением поиска новых форм существования гражданского общества.

В странах, где нет устойчивых традиций гражданского общества, появляются новые формы и типы организованности. Они порой принимают уродливые формы (например, ИГИЛ), а порой выливаются в каскад революций, например, таких, как «Арабская весна».

Украинские майданы тоже можно рассматривать в контексте истории и эволюции гражданского общества.

Технические инновации цифровой эпохи также накладывают свой отпечаток на инновации в гражданском обществе. Интернет как средство массовой коммуникации подрывает монополию телевидения и делает невозможным массовое управление сознанием, как это было в 1950–1990-е годы.

В наше время возникает сложная контаминация ценностей модерна и постмодерна, остаточных идеологий индустриальной и постиндустриальной эпохи.

Гражданское общество и идеалы Просвещения

Гражданское общество — это реализация идеалов Просвещения. Современное воплощение этих идеалов.

Идеалы потому и идеалы, что они действительны только тогда, когда им следуют, когда их реализуют в реальности.

Идеалы могут быть разные. Коммунизм — это тоже набор идеалов. И фашизм — это набор идеалов, и нацизм. Идеалы разные, и разделяют их разные люди. Реализуют свои идеалы люди в совместной действительности. Идеалы семьи и любви реализуют сначала двое, потом к ним добавляются дети, семья — их совместность. Деревенская община — это совместность соседей, имеющих в общинном владении какие-то ресурсы, и люди принимают совместные решения в пределах своей совместности. Могут быть большие сообщества: города, нации, и там все то же самое. Только в бóльших масштабах и с массой проблем.

Деревенская или церковная община и традиционное общество характеризуются большой гомогенностью идеалов. Там все (во всяком случае большинство) разделяют одни и те же идеалы.

Но в современных больших городах и в нациях культивируются различные комплексы идеалов, порой антагонистических. Еще Аристотель характеризовал античный город как единство непохожих. А уж современные нации тем более состоят из совершенно непохожих общностей. И достижение единства непохожих составляет суть политики.

Идеалы у нас могут быть разные, а город — один. И территория, на которую распространяется суверенитет нации, одна. И конституция одна для всей нации, и государственные институты. И все это как-то организовано и упорядочено. Организовано по определенным правилам, нормам, принципам, стандартам, законам. Все эти нормы, стандарты и законы восходят к каким-то идеалам: Свободы, Равенства, Братства, Справедливости, уважения прав человека.

Но каждому из идеалов может быть противопоставлен другой идеал.

Свободе можно противопоставить порядок или безопасность. Равенству одного типа — равенство другого. Справедливости можно противопоставить «букву закона». Правам человека — права коллектива.

Нация состоит из разных меньшинств, исповедующих разные идеалы и вступающих в коммуникацию друг с другом по поводу того, какие именно из идеалов будут реализованы в конкретном городе, в конкретном государстве.

Можно обойтись и без коммуникации. Можно навязать свои законы, стандарты, принципы силой, не вступая в дискуссии об идеалах. Сила есть — дискуссий не надо. Диктат большинства — это разновидность силового варианта.

Тоталитаризм строится на том, что все общество, все люди поголовно разделяют одни и те же идеалы и ценности. Всякое сомнение в доминирующих идеалах и ценностях рассматривается как преступление. И носители иных идеалов и ценностей подлежат исправлению и перевоспитанию, а до поры до времени — изоляции. В крайних случаях — уничтожению.

Гражданское общество — это когда все ценности и идеалы обсуждаются, о них ведутся споры и дискуссии. При достижении хотя бы некоторого компромисса по поводу идеалов в обществе разгорается дискуссия о принципах и законах, в которых разделяемые обществом идеалы могут быть реализованы.

Когда выработаны принципы, приняты законы, стандартизированы нормы, начинается борьба и конкуренция за то, кто лучше справится с воплощением этих принципов, исполнением законов, реализацией стандартов и т.д.

Гражданское общество — это ежедневный плебисцит, постоянные дискуссии и непрерывная коммуникация.

А когда же работать? Когда создавать материальные ценности и условия для бесконечных дискуссий и непрерывной коммуникации?

Это серьезная проблема.

В XVIII веке проблема решалась очень просто: существовало рабство, крепостное право, городская беднота. Одни работали, другие дискутировали, обсуждали и принимали решения для всех и за всех. Гражданское общество — это ограниченный круг богатых, образованных, имеющих свободное время граждан. Все гражданское общество умещалось в нескольких городских клубах.

В XIX веке все светское общество и члены клубов, имеющие массу свободного времени, избавленные от необходимости зарабатывать на хлеб и материальные блага, стали рассматриваться как паразитический класс, и само существование такого класса воспринималось как вопиющая несправедливость. Началась эмансипация пролетариата. Идеалы Французской революции предполагали равенство для всех. Но люди, вкалывающие с утра до позднего вечера, просто не имели физической возможности участвовать в коммуникации гражданского общества. Поэтому сначала — борьба за экономические права, зарплату и сокращение рабочего дня, а уж потом — избирательное право и участие в жизни общества.

В XX веке материальные проблемы в развитых странах в основном были решены. После 8-часового дня практически у всех людей появлялась возможность участвовать в жизни общества, и каждый мог выбирать, быть ему активным гражданином или вести исключительно частную жизнь. Каждый взрослый человек, независимо от расы, религии, собственности, пола и даже образования, получил право избирать (т.е. участвовать в решении общественных вопросов) и быть избранным (т.е. участвовать в коммуникации по поводу общественных проблем за счет самого общества).

В наше время нам придется искать свое решение этой проблемы, и оно уже ищется, варианты обсуждаются и дискутируются.

В XVIII веке членов гражданского общества можно было визуально опознать по накрахмаленным парикам, камзолам, бриджам с чулками. Санкюлоты в длинных штанах и ботинках к общественной коммуникации не допускались.

В бурном XIX веке даже рабочие, претендующие на гражданское участие, носили цилиндры и сюртуки.

В XX веке отличаться по внешнему виду стало дурным тоном, рабочие принципиально отказались подражать в одежде высшим паразитическим классам, которым пришлось с этим смириться, и к концу тысячелетия все без разбора носили джинсы и отказались от галстуков. Дресс-код сохранился только для служащих в рабочее время, будь то в частной фирме или в парламенте. Впрочем, это мелочи.

Главный вызов гражданскому обществу в эпоху постмодерна был связан с отказом от идеалов Просвещения.

Со времен напудренных париков и камзолов просветителей XVIII века гражданское общество неразрывно связано с образованием и критическим мышлением.

Нет критического мышления — нет гражданского общества. Рабочие XIX века интенсивно учились. Капиталисты учили их грамоте и специальным навыкам, а сами рабочие учили марксистскую и социальную теорию, право, гуманитарные дисциплины. «Учиться коммунизму настоящим образом» — Ленин не сам придумал. Это наследие революционного века. Чтобы получить возможность участвовать в общественной коммуникации, нужно было тянуться за мыслящими лидерами, учиться и владеть языком ведения общественной коммуникации.

Высшие классы просвещали и подтягивали всех остальных до своего уровня в полном соответствии с идеалами философов и мыслителей Просвещения. Эпоха Просвещения имеет еще одно название — модерн. «Модерн» переводится как «современность». До самого конца XX века модерном, или современностью, называлось именно это — следование идеалам Просвещения.

Впервые от идеалов Просвещения отказалась русская интеллигенция — народники. Вместо того чтобы подтягивать низшие классы до своего уровня, народники стали идеализировать сам народ, его «природную мудрость», его чувство справедливости. Произошла кардинальная смена идеалов. Идеалом стало не рафинированное критическое мышление просветителей, а иррациональная «народная мудрость». А потом большевики начали опираться на «присущее» пролетариату «классовое чутье» практически так же, как нацисты идеализировали «голос арийской крови».

В Европе отказ от идеалов модерна-Просвещения был осуществлен постмодернизмом. И этот отказ связан с переинтерпретацией понятия и категории «критическое мышление».

Участие в обсуждении общественных проблем невозможно без соответствующего образования, компетентности и подготовки. Эта компетентность достигается в освоении современного уровня знания об общественных проблемах, а подготовка проявляется в критическом отношении ко всем версиям, гипотезам и

предложениям. То есть необходимо ЗНАТЬ, то, что знаешь, нужно ПОНИМАТЬ, и понятое подлежит АНАЛИЗУ и КРИТИКЕ.

И только при наличии знания, понимания, анализа и критики можно приступать к оценке и принятию решения.

Тоталитаристские идеалы нацистов и большевиков абсолютизировали «прямое действие», т.е. оценку и решение без ЗНАНИЯ, ПОНИМАНИЯ, АНАЛИЗА и КРИТИКИ, а сразу — на основе «голоса крови» или «классового чутья». За скороспелыми оценками и решениями должна была следовать моментальная реализация решений.

Именно поэтому тоталитарные режимы ненавидят демократию. Она для них представляется помехой быстрым оценкам, решениям и действиям. Также они ненавидят и парламентаризм, который, с их точки зрения, «сплошная говорильня».

Постмодернизм не имеет ничего общего с нацизмом и коммунизмом, хотя большинство постмодернистских мыслителей придерживаются левых взглядов.

Постмодернизм отказывается от знания, понимания, анализа и критики в пользу идеалов политкорректности и равенства всех и любых мнений.

При этом одним из основных своих принципов постмодернисты объявляют критическое мышление. Но под критическим мышлением они понимают несколько иное, нежели Кант и просветители, — сомнение в идеалах модерна и Просвещения и поиск противоположных этим идеалов. Критика постмодернистов направлена против любых абсолютов, на каждое позитивное утверждение они должны предложить его антиномию. Каким бы ни было суждение — может быть и иное.

В эпоху постмодерна критическое мышление снова становится специфическим умением узкого слоя интеллектуалов, не носящих париков, но одевающихся как санкюлоты.

А зачем критическое мышление рабочим, инженерам, госслужащим? Зачем сантехнику или трактористу критическое мышление?

Разница в интерпретации критического мышления проявляется в том, на что направлена критика.

Левый постмодернистский интеллектуал критически относится к традиционным ценностям и консервативным установкам сантехников, трактористов, фермеров. И вообще ко всем

традиционным и консервативным ценностям, установкам и идеалам.

Модерный интеллектуал (просветитель) направляет критику в первую очередь на способность суждения, на свои собственные представления, на онтологические сущности чистого разума и практические выводы обыденного и профессионального сознания.

Интеллектуалу критическое мышление необходимо для сомнения в идеалах и ценностях своего времени. Не прошлого, древнего и традиционного, хотя и это тоже, но в первую очередь — сомнение в мнениях и представлениях своего времени, в установках своих современников, т.е. своих собственных.

Вот именно это качество, это умение в открытом и гражданском обществе является всеобщим, т.е. необходимым и профессору философии, и сантехнику — сомнение в том, что знаешь и думаешь сам.

Постмодернист критикует идеалы модерна, но не свои собственные, и сантехнику предлагает то же самое — не критикуй собственное мнение, ты в полном своем праве, все мнения одинаково ценны и твое тоже. Разумеется, если мнение сантехника не сильно различается с мнением профессора-постмодерниста.

В выбранном жанре и в этой форме я могу ограничиться только слегка утрированной констатацией противопоставления идеалов модерна и постмодерна.

Особенно ярко это противопоставление проявляется не в академических текстах, а в общественной практике, в политике и гражданских движениях.

Если еще в первой половине XX века философы, интеллектуалы, журналисты, популяризаторы науки и лидеры мнений подтягивали мнения обывателей до уровня высших достижений своего времени, то к концу века стали поступать ровно наоборот. Любому писателю, что в литературе, что в философии, что в политике, стали рекомендовать прислушаться к тому, что «думает народ».

То есть вместо подтягивания общественного мнения до понимания лидеров начали опускать лидеров до среднего уровня и мнения большинства.

Просветители модерна вели игру на повышение, они не только ориентировались сами на высшие достижения в науке, философии и политике, но ориентировали и направляли общественное мнение, обыденную культуру от среднего уровня к высшему.

Интеллектуалы постмодерна сами стремятся спуститься к среднему уровню и одергивают каждого, кто пытается над ним подняться. Это проявляется во всех областях культуры: от популярной музыки и кассового кино до политических учений и самой философии.

В политике это вызвало преобладание популизма во всех развитых странах Европы и Америки.

В науке и философии это ведет к изоляции интеллектуалов в академическом гетто.

Для гражданского общества идеалы постмодерна означают полную деградацию и сведение общественной коммуникации к локальному активизму и ригоризму *Grassroots*.

От народа к гражданской нации

Единство нации — это просвещенческая идея или явление эпохи модерна.

«Народ», «нация», «гражданство», «гражданское общество», «демократия», «государство», «права человека и гражданина», «всеобщее избирательное право» — все эти понятия и категории составляют один понятийный комплекс, и каждое из этих понятий включает в себя остальные, и смысл каждого определяется только через весь комплекс.

«Народ» — категория со многими смыслами.

«Народ столпился в зале ожидания» — это один смысл, имеется в виду просто много людей, случайное скопление.

«Народ сверг правительство» — это совсем другой смысл, в свержении правительства участвовало, возможно, не больше людей, чем в первом случае в зале ожидания, но предполагается, что не эта кучка людей свергает правительство, а весь народ страны, граждане государства.

«Народ против» или «народ за» — кто-то всегда против чего-то, кто-то за что-то, и обе эти позиции выступают от имени всех, это обычная демагогия.

«Мы, народ...» — так со времен Конституции США начинаются конституции почти всех современных государств. Кто такие эти «мы»?

Вчера в Минске должно было состояться два митинга[21]. Один — за «интеграцию» с Россией, другой — против. Вопрос: на каком из митингов собирается народ? Если только на одном митинге будет народ, то кто же на втором митинге?

Состоялся только один из митингов. На второй никто не пришел. Значит ли это, что народ за то, за что выступают участники митинга, который состоялся? Но на митинг вышли полторы тысячи граждан, примерно. Это 0,015% от населения Беларуси. А что же остальные девять с половиной миллионов?

Слово «народ» самое частое в демагогических заявлениях. Чаще в манипулятивных целях используется, наверное, только

слово «любовь». Вообще, все зло в мире оформляется красивыми и добрыми словами.

Простая идея тождества народа и нации как множества всех граждан одного государства кажется многим современным людям само собой разумеющейся. Многим, но не всем. И «само собой разумеемость» — это иллюзия. Все не так уж просто с категориями «народ» и «нация».

Начнем с «народа». Оставим в стороне простое скопление людей в случайных или организованных ситуациях, рассмотрим только то, что касается правомочности или правосубъектности категории «народ». Например, словосочетания «народ страны», «народ Республики Беларусь», «власть народа — демократия», «общенародное дело — *Res Publica*, *Rzecz Pospolita*» и т.д.

Никогда, с самых древних времен, в такого рода словосочетаниях категория «народ» не использовалась в качестве синонима слову «население». В древнегреческих демократиях народом было не все население, а только те, кто участвовал в «народных собраниях», т.е. принимал участие в управлении городом и государством. Кроме народа в Афинах жили рабы, метеки, женщины и дети. Все они составляли население Афин, но не народ. Народ — свободные граждане города-государства, принимавшие решения для города и государства, выбиравшие правителей и имевшие права и возможности самим быть избранными на государственные должности.

Идея того, что такая сегрегация несправедлива, возникла очень поздно, только в XVIII веке, у мыслителей и деятелей эпохи Просвещения и стала определяющей для всего дальнейшего общественного развития. Но и в XVIII веке народ не приравнивался к населению, народ — это избиратели в государстве с республиканской формой правления. Избирательными правами не наделялось все население, существовала масса ограничений.

Идея Просвещения была революционной по своему смыслу. Она отрицала представления позднефеодальных обществ Европы. Феодальные и сословные общества существовали в странах, где государство основывалось на праве силы. Как правило, государства создавались посредством захвата или покорения населения неким народом или армией некоего народа. В государствах того времени существовало четкое разделение на покоренное население и покорителей, которые могли осознавать себя отдельным народом

или сословием. Готы (остготы, вестготы), франки, болгары, венгры, норманны, англы и саксы, многие другие народы захватывали территории с аборигенным населением, устанавливали там свои порядки и государственный строй.

Правящая верхушка (сословие) не спешила ассимилироваться с остальным населением.

Тщательно культивировалась память об ином, нежели у покоренного населения, происхождении правящих покорителей. Иногда было достаточно реально иного происхождения (норманны-викинги, венгры и т.п.), иногда приходилось изобретать мифических предков (миф о Палемоне в Литве и о сарматском происхождении польской шляхты).

Часто правящее сословие отделяло себя от аборигенного населения языком, обычаями, одеждой.

Так, нормандские завоеватели Британии несколько веков говорили на французском языке, отличном от германских языков предшествующих завоевателей англов и саксов и от кельтских языков аборигенов. При дворах германских курфюрстов тоже использовали в XVII–XVIII веках французский язык, а в Российской империи дворянство пользовалось этим языком до середины XIX века. В ВКЛ магнатерия и шляхта с этой же целью пользовались польским языком. В Западной Европе эта практика в основном закончилась к XVI–XVII векам, а в Восточной Европе продолжалась почти до конца XIX века. Горожанам (гражданам в широком смысле слова) в Чехии, Словакии, Украине, Литве, Латвии, Эстонии и Беларуси приходилось осваивать свои языки заново.

Дворянству XVIII века практически во всех странах Европы было трудно представить себе, что они и крестьяне — один народ, даже там, где не было языкового барьера между правящими классами и основным населением. Идея единства народа ломала сословные предрассудки и господствующее мировоззрение.

Впервые категория «народ» была распространена на всех взрослых жителей страны в Конституции США после войны за независимость, да и то только концептуально, а не практически. На Учредительном собрании и Континентальном конгрессе в Филадельфии поднимался вопрос о включении черных рабов в состав народа США. Но к такому радикальному решению народ тогда еще не был готов, и этот вопрос отложили на 20 лет. Но и по

прошествии этих 20 лет вопрос оставался подвешенным, вплоть до гражданской войны между Севером и Югом.

Теоретически в буржуазных республиках и ограниченных конституциями монархиях Европы народом в XIX веке считали всех взрослых жителей страны – подданных и граждан. Но практически народом оставались только избиратели. Почти 200 лет ушло на то, чтобы избирательное право получили все грамотные, потом – рабочие и, наконец, – женщины.

Таким образом, идея единства народа – гражданской нации – была реализована. И реализация этой идеи была возможна только в рамках национального государства. Одно государство – одна нация, один народ.

В тех случаях, когда единство народа в государстве оказывалось невозможным, за разделенными народами признавалось право на отделение – право наций на самоопределение.

Но для того, чтобы реализовать право наций на самоопределение, т.е. на создание собственного суверенного государства, нужно было отождествить нацию и народ. Право нации на самоопределение реализуется только всенародным волеизъявлением.

Два века многие народы пытались стать нациями. В Германии и Италии нации возникали через слияние разных народов в один. В Австро-Венгерской, Османской и Российской империях – наоборот, через борьбу народов за независимость. (Особые случаи и исключения из общей тенденции оставим за пределами рассмотрения: уния Швеции и Норвегии, особый статус Финляндии в Российской империи, Бельгия, Швейцария и т.д.)

Итак, модерная и просвещенческая идея единства народа-нации противостояла архаичной сословной идее сосуществования в одном государстве разных народов. Народы разделялись по вертикали (правящие и угнетенные или покоренные) и по горизонтали (по языку, религии, цвету кожи).

Но в XIX веке идее единства народа-нации были противопоставлены две другие идеи, возникшие уже в эпоху модерна. Это классовая теория марксизма и расовая теория нацизма.

И радикальный марксизм, и нацизм противопоставляются единству гражданской нации и отказываются признавать равные права гражданина и человека за всеми людьми в государстве.

Марксизм объявляет идею единства народа-нации буржуазным предрассудком, считая классовые различия между гражданами важнейшими. На этом основании ранние марксисты, а позже большевики и коммунисты нескольких течений выдвигают концепцию пролетарского интернационализма. Иногда концепцию пролетарского интернационализма путают с древней идеей космополитизма, но это совершенно разные вещи.

Космополитизм древнегреческих философов (и во все последующие эпохи) предполагает распространение одинаковых прав на всех людей без исключения и без привязки к этносу, нации, подданству и гражданству.

Интернационализм же (в его раннемарксистской версии) отказывает эксплуататорским классам в правах. В СССР было узаконено поражение в правах для лиц дворянского и буржуазного происхождения до конца 1930-х годов. Интернационализм пытается приписать национальные различия идеологии правящих эксплуататорских классов, а идеологию пролетариата строить на классовом единстве, снимающем национальные различия. Различия между концепциями нации в I, II и III интернационалах я сейчас разбирать не буду, эти различия могут быть существенными, но при анализе других вопросов.

Если марксизм делит народ-нацию по вертикали на антагонистические классы, то нацизм отрицает единство нации на основании генетического расового принципа и делит народы на хорошие и плохие, полноценные и неполноценные.

Здесь придется вспомнить известное различие между фашизмом и нацизмом. Но я не стану подробно на этом останавливаться, поскольку сходство фашизма и нацизма перекрывает на практике это, хоть и существенное, мировоззренческое теоретическое различие. И нацизм, и фашизм стремятся к достижению единства нации в своей собственной трактовке через поиск внутренних врагов и натравливания одной части народа (объявляемой полноценной и хорошей) на другую (объявляемую неполноценной и вредной).

Как классовая теория разделения нации, так и нацистская достаточно хорошо проанализированы и разобраны в мировой литературе, и мировое сообщество добилось существенных успехов в борьбе с этими теориями. Но в популистских идеологиях до сих пор остаются рудименты и того, и другого подходов.

Тут уместно провести различие между гражданским и этническим национализмами. Часто в этническом национализме присутствует разделение народов на хорошие и плохие. Иногда в мягкой форме пытаются законодательно закрепить неравноправие «титульной нации» и «национальных меньшинств».

Практику реализации крайне радикальных идеологий и их смягченных вариантов можно анализировать и описывать долго и подробно. Но это короткое рассуждение нужно мне для того, чтобы объяснить и понять положение дел в современной Беларуси.

В нашей стране существует удивительный микс древних предрассудков, модерных заблуждений и постмодернистских новаций. Беларусов продолжают делить по самым разным основаниям, отказываясь признавать единство народа-нации.

Идеология лукашизма делит народ на советских, или советизированных, беларусов и «нацменов»[22]. Глупейшее деление, но оно пронизывает всю политическую практику с 1991 года до наших дней. В 1994–1996 годах полные права в стране получила та часть нации, которая идентифицируется с народом БССР и, шире, с «новой исторической общностью людей — советским народом».

Этот концепт — «новая историческая общность людей — советский народ» — был сформулирован в эпоху брежневского застоя при подготовке Конституции 1977 года. В соответствии с развитием марксистского учения о нациях в эпоху построения «развитого социализма» не может существовать тех наций, которые сформировались в классовом обществе. При стирании классов на основе буржуазных наций формируются «социалистические нации». Эти нации живут в «национальных республиках», но их единство достигается только в союзе. И это единство было решено называть «новой исторической общностью».

Напомню учение «научного коммунизма» о нациях от Бруно Бауэра, через теорию Сталина, к версии брежневской Конституции.

Каждой исторической формации соответствует свой тип общностей:

- доклассовому обществу — племя;
- феодализму — народность;
- капитализму — буржуазная нация с антагонистическими классами;
- социализму — социалистическая нация рабочих и крестьян без антагонистических классов;

- коммунизму — бесклассовое общество со стиранием национальных различий.

К 1977 году коммунизм построен не был, и стало понятно, что решения XX съезда о построении коммунизма к 1980 году придется забыть. Но отменить решения партии нельзя. Поэтому была придумана промежуточная формация — «развитой социализм». На этой стадии бесклассовое общество уже построено, но пока не коммунизм. А всесильное и верное учение Маркса-Ленина-Сталина не предусматривало такой промежуточной стадии, поскольку было строго заточено на мировую революцию, полный интернационал и тому подобное. Пришлось придумывать промежуточную форму исторической общности для бесклассового общества недостроенного коммунизма. Эта придуманная общность заменила социалистические нации и стала называться просто «советский народ».

Беларусы, или искусственная социалистическая нация квазигосударства БССР, рассматривались как наиболее близкая общность к состоянию «советского народа». Народ без классовых различий и национальных особенностей.

В сталинский концепт «социалистической нации» вкладывался смысл, описываемый формулой: «социалистическое по содержанию, национальное по форме». Поскольку содержание — это стирание классовых различий (стиралась разница даже между рабочими и крестьянами, различие между городом и деревней), то к бесклассовому обществу необходимо было подтягивать форму — стирание национальных различий.

Вся официальная идеология нынешнего режима питается этой теорией «научного коммунизма», ничего иного в ней нет. Но источник стыдливо замалчивается. Неофициальные течения тоже раздирают единство народа страны на разные части.

«Литвины» делят нас на «настоящих» и «ненастоящих». Беларусов они не считают нацией, даже народом, записывая всех «нелитвинов» в «несознательное население». В более мягкой форме примерно такой же подход культивируется в тех кругах квазиинтеллектуалов, которые склонны делить народ на «свядомых» беларусов и «несвядомых».

Мы — один народ уже потому, что мы — граждане одного государства. Мы имеем одни избирательные права, голос одного

беларуса равен голосу другого беларуса. Не везде, а только на избирательных участках.

Мы — гражданская, а не этническая нация.

Гражданская нация живет в режиме расширения гражданского общества и освоения гражданским обществом максимального контроля над всеми областями жизни нации. От защиты независимости страны и суверенитета народа до прав детей и животных.

И я не знаю иного пути для достижения понимания этого, кроме пути Просвещения.

Примечания

21 Речь идет о событиях 20 декабря 2019 года. В этот день состоялась акция против углубления интеграции между Россией и Беларусью, приуроченная ко встрече в Санкт-Петербурге В. Путина и А. Лукашенко. Также в этот день намечался митинг сторонников интеграции, однако кроме журналистов на него никто не пришел.

22 В риторике А. Лукашенко «нацменами» называются национально-ориентированные представители беларусского общества, т.е. люди, выступающие за расширение использования беларусского языка, культуры и т.д.

III

Сетевая эпоха как вызов гражданскому обществу

Энергетический и информационный метаболизм: толпа и публика

Доступно ли гражданское общество непосредственному наблюдению? Как его можно увидеть, зафиксировать, измерить?

Понятия существуют в теории, они умопостигаемы и этим отличаются от явлений, которые доступны наблюдению. Мы можем видеть, как материальные вещи падают на землю, и объясняем эти явления гравитацией. Но саму гравитацию мы не видим. Точно так же мы не видим магнетизм, электричество, энергию, но можем видеть и ощущать их проявления. В ощущениях нам дана вовсе не материя, а материальные вещи. Ощущая вещи, мы домысливаем в них материю, или субстанцию вещей, их скрытую от ощущений сущность. Материю и сущность вещей можно атрибутировать, выделить существенные необходимые и достаточные признаки. Зная атрибуты, мы можем их измерить, определить органолептически и на этом основании сделать умозаключение о сущности вещей. Так, по радиоактивности, магнитным свойствам, электропроводимости мы определяем металлы, из которых состоят вещи. По тестам мы определяем тип заболевания и т.д.

С гуманитарными понятиями точно так же. Гражданское общество не дано в ощущениях. Но у гражданского общества можно выделить наблюдаемые атрибуты, по которым мы можем судить о том, присутствует ли оно в конкретной исторической ситуации.

Самые простые атрибуты фиксируются в категориях пространства, времени, модальности и интенсивности. Мы можем измерять размеры, протяженность, длительность, ритмичность, сходство-различие, силу и количество чего-либо. Для гражданского общества тоже необходимо выделить пространственно-временные характеристики, качественные и количественные признаки.

Проще всего начать с количественных характеристик. Обществом (а значит, и гражданским обществом) можно называть некоторое множество людей. Людей, а не кого угодно. Мы не можем считать обществом множество манекенов или статуй, так же как и множество животных.

Общество — это люди, и это качественный, или модальный, атрибут. Его можно конкретизировать: взрослые люди, живые люди, каким-то образом связанные между собой люди. И их много.

Можно разбираться дальше с тем, много — это сколько? Или взрослые люди — это с какого возраста? Достаточно ли аттестата зрелости, совершеннолетия или чего-то еще (прохождения обрядов инициации, конфирмации, службы в армии, «возраста согласия» или физиологического созревания и т.п.)? в разные эпохи и в разных ситуациях это определяется по-разному. Поэтому качественные и количественные атрибуты гражданского общества существуют, но они слишком просты, абстрактны и размыты, их определение ничего нам не дает для понимания сущности.

Почти то же самое с пространственно-временными атрибутами. Множество людей, собранных в одном месте и в одно время, может быть народным собранием, а может быть просто случайной толпой. Множество людей на площади может быть митингом или толпой в базарный день, зеваками на празднике и т.д.

Все эти атрибуты — либо случайные черты, либо необходимые, но недостаточные, не позволяющие установить сущность гражданского общества, сделать умозаключение об этой субстанции.

Гражданское общество — достаточно новое явление в исторической перспективе, и само понятие гражданского общества сформировалось совсем недавно. Поэтому и для его атрибутирования необходимо использовать более современные категории.

К таким категориям относятся энергетические и информационные связи и отношения. Именно через энергетический и информационный метаболизм только и можно определить и зафиксировать гражданское общество.

В первоначальном значении термин «метаболизм» относился к обмену веществ. С появлением термодинамики стало возможным

говорить об энергетическом метаболизме. А после работ Антония Кемпинского в обиход вошел термин «информационный метаболизм». Через энергетический и информационный метаболизм[23] мы и попробуем сформулировать исходные представления о гражданском обществе, выделим его атрибуты и видимые проявления.

В предшествующих фрагментах этого текста я связывал гражданское общество с общественным мнением и средствами массовой информации. Форма и тип массовой информации определяют исторические или временны́е рамки и границы возникновения гражданского общества.

Не углубляясь в историю, зафиксируем связку «СМИ—публика». С появлением оперативных и массовых средств распространения информации человеческое общество перешло в новое качество, одна из характеристик этого нового качества общества получила название — гражданское общество. Формой проявления гражданского общества стала публика.

В словарях и энциклопедиях можно найти множество определений понятия «публика», но в них мало толку. Для нашей темы важна категориальная оппозиция «толпа-публика», контекст для понимания которой заложен в дискуссии между Габриелем Тардом и Густавом Лебоном. Рассматривая толпу как общественный феномен, Густав Лебон характеризовал XIX век как эпоху толп и предсказывал, что и XX век будет таким же. Жан Габриель Тард оспаривал теорию и подход Лебона, он обратил внимание на важность фактора СМи для формирования не только общественного мнения, но и самого типа общества, его сущности. Эту новую сущность он назвал старым термином «публика». Далее Тард сравнивает толпу и публику по целому ряду их атрибутов, описывая сходство и различие между ними.

Я мог бы воспользоваться достаточно глубокими размышлениями Тарда и Лебона, а также трудами тех, кто развивал их подходы (Хосе Ортега-и-Гассет, Серж Московичи и др.), но не могу ими ограничиться. Габриель Тард описывает исторически эпоху публики, которая приходит на смену веку толп, но ведь и эпохе публики может прийти конец. Я думаю, что он уже и пришел, в наше время публика уступает место сетевым формам организации общества. А каждая новая эпоха требует

пересмотра всех прежних представлений, а не только непосредственно ей предшествующих.

Поэтому я даю собственную трактовку последовательности «толпа-публика-сети» в рамках анализа и исследования современного гражданского общества.

Поскольку для анализа и исследования гражданского общества первостепенное значение имеет энергетический и информационный метаболизм, то и феномены толпы, публики и сетей я буду рассматривать именно через эти атрибуты. Но и пространственно-временные, модальные и интенсивностные характеристики, которые в большей степени интересовали предшествующих исследователей, также нельзя обойти вниманием. Начнем по порядку.

Толпа

В рамках рассмотрения энергетического и информационного метаболизма понятие «толпа» требует некоторого расширения содержания и объема этого понятия по сравнению с тем, как это рассматривалось Лебоном и Тардом.

Толпа — это один из видов контактных групп. Контактные группы — любое собрание множества людей в одном месте и в одно время: это и привычная толпа на площади или рынке, и народное собрание на Агоре, и клуб по интересам. Некоторое количество людей, находящихся в контакте друг с другом непродолжительное время. Контактные группы могут быть устойчивыми, если одни и те же люди с некоторой периодичностью собираются в одном и том же месте или в разных местах, а могут быть спонтанными — разовое скопление разных людей.

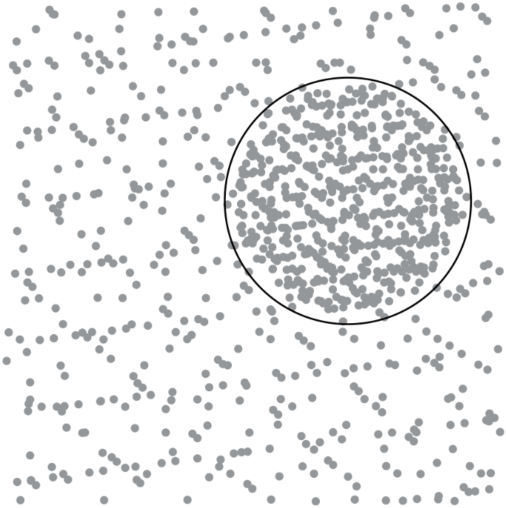

Рис. 1. Контактная группа, толпа

- Контактная группа (толпа), сколь бы многочисленной она ни была, — это всегда подмножество некоего, еще большего количества людей.
- Контактная группа (толпа) ограничена в пространстве и времени. Она может перемещаться в пространстве и может периодически собираться и рассыпаться.
- Контактная группа (толпа) характеризуется некой общностью, или единством, выражаемым местоимением

«мы». Эти общности, или единство, могут быть устойчивыми (клубы, секты, собрания партий и т.д.), а могут быть разовыми и случайными (разбушевавшаяся возмущенная толпа на рынке или площади, праздничная толпа или ритуальная на обрядах, митингах, похоронах).

- Характер и содержание осознаваемой общности и единства различаются в контактных группах с фиксированным членством (клубы, банды, средневековые армии в походе и т.п.) и случайных группах, которые и принято считать толпами.
- Контактная группа (толпа) энергетически заряжена. Энергетика в данном случае не имеет отношения ни к физике, ни к эзотерике, речь об эмоциональном возбуждении, возмущении, пафосе, о тех состояниях, которые побуждают толпу к определенным поступкам. Поступки могут быть нормированы (религиозные ритуалы, правила проведения собраний), а могут быть спонтанными. Именно спонтанные, но закономерные и воспроизводимые поступки толпы были предметом пристального внимания Лебона и Тарда.
- Энергетика разных людей в толпе может быть различной по степени, но люди заражаются энергетически друг от друга. Поэтому в толпе часто захватывают лидерство самые паранойяльные и фанатичные индивиды, от них исходит энергетика, захватывает толпу и выливается в действие или поступки. Поступки могут быть любыми: от «суда Линча» до взятия Бастилии, от разрушения до триумфального вознесения лидеров и кумиров. Энергетическим метаболизмом толпы можно научиться управлять.

  Искусство риторики и демагогии изобретено специально дл я этого.
- Сильные энергетические воздействия захватывают толпу и контактные группы с высокой скоростью. Паника в толпе распространяется мгновенно, точно так же, как пароксизмы восторга и агрессии.
- С точки зрения информационного метаболизма, контактная группа (толпа) представляет собой броуновское движение. Информация передается хаотично, от индивида к индивиду,

через контакт всех со всеми. Общая для всех информация передается некорректно, с искажениями, поэтому информационный метаболизм в толпе выполняет служебную функцию по отношению к энергетическому.

- До эпохи СМи общество существовало преимущественно в виде и форме контактных групп или толп. Это не значит, что не существовало прототипов публики и сетей. Феномен публики с древних времен можно было увидеть в религиозных сообществах, в транслируемых философских школах, в древнегреческом театре. Сети тоже существовали с древних времен в виде дипломатических отношений монархов, в инфраструктуре караванных и торговых путей.
- Любые контактные группы и толпы имеют пределы количественного роста, пространственно-временные рамки, они ограничены необходимостью контакта всех со всеми. В степи и в походах контактные группы могут вырастать до размеров огромных орд. В городах и на местности со сложным ландшафтом большие орды рассыпаются на мелкие толпы или отряды. «Разрезание толпы», уменьшение ее количества и массы — один из важнейших тактических приемов борьбы с толпами армии и полиции.

Гражданское общество в XVIII веке зарождалось в контактных группах. В университетах, в городских академиях ученых, в клубах Лондона и Парижа. Эти малочисленные, но активные контактные группы использовали спонтанные и организованные толпы для достижения своих целей и для распространения своих идей. Других способов для гражданского действия у них не было. Но эти же контактные группы стали использовать прото-СМи для политической деятельности. Они распространяли листовки и прокламации, становились авторами зарождающихся газет. Для появившихся газет контактные группы были первой целевой аудиторией, а потом сами стали использовать газеты для выхода на большую аудиторию.

Публика

Термин «публика» был в ходу задолго до Тарда и использовался в смысле, близком к тому, который придал ему Тард, когда речь шла о публике в театре, на религиозных празднествах, при инаугурации монархов или иерархов церкви. Древнее происхождение слова всегда вызывает трудности с определением точного значения. В некотором смысле можно принимать латинское слово *publica* за синоним слова *populus* примерно как люди = народ (так можно понимать выражение Цицерона: “Res publica est res populi”, но не *plebs of Rome*).

Сравнивая термин *res publica* с термином *δημοκρατία*[24], можно предположить подобие слов *publica* и *δῆμος*, но вряд ли это будет корректным.

Иногда термином «публика» обозначают общество, но не как субъекта и актора, а как объект воздействия – общественность, например, в английском *Public Relations*.

Публику в театре, на лекции, на проповеди в церкви можно называть аудиторией, так же как мы говорим про аудиторию телеканала или СМИ.

Проще всего, разбираясь с тардовским социологическим и политологическим понятием «публика», схематизировать его представления и атрибутировать публику в рамках информационного метаболизма.

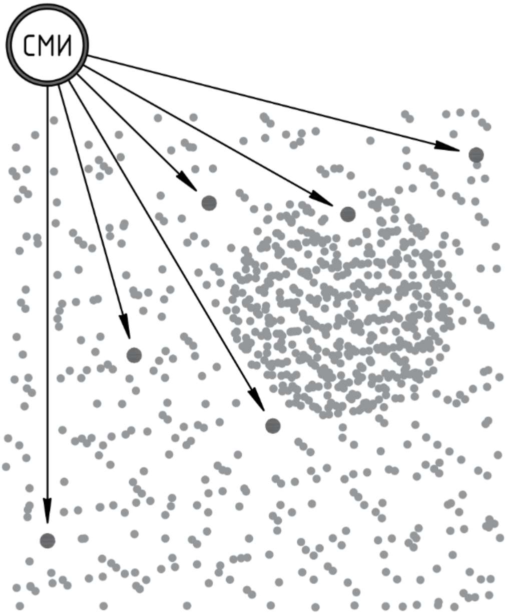

Рис. 2. Публика

Публика — это люди (подмножества) всего множества людей, отличающихся тем, что они потребляют информацию из одного источника. Грубо говоря, это те люди, которые регулярно читают одну газету, слушают радио, смотрят одни и те же фильмы.

Люди из этого подмножества могут оказаться в случайной или организованной толпе, но будут несколько отличаться своим поведением от остальных. Могут иногда сами объединяться

во временную случайную толпу или создавать контактные группы с постоянным членством в них.

Но принцип организации публики в том, что контакты людей между собой в ней необязательны. Публика ориентирована на идеи, ценности, мнения, которые черпаются из средств массовой информации.

- Размер (количество) публики изменяется в очень больших масштабах: от маленькой аудитории стенгазеты до всей нации. Исторически публика никогда не совпадает с полным множеством людей, но может стремиться к этому. Такой предел практически был почти достигнут к началу Первой мировой войны, когда патриотическая и националистическая эйфория охватила не просто нации, но подданных огромных империй Германии, Австро-Венгрии, России и Великобритании.
- Пространственно-временные рамки публики не ограничены местом и временем собрания больших групп людей. Пространство публики задается ареалом распространения языка и СМи на этом языке. Если газета распространяется в одном городе, то и ареал пребывания публики совпадает с размерами этого города, читатели общенациональных газет обитают во всех уголках страны. Временные пределы публики заданы длительностью существования СМИ, информацию которых она потребляет. Течение времени для публики не имеет принципиального значения, поскольку кто-то может читать газету утром, а кто-то вечером или в другой день. Радио вещает на всю аудиторию одновременно (в первые десятилетия своего существования радио вещало только в прямом эфире), но слушатели находятся в разных местах и не вступают в контакт друг с другом.
- Общность и единство публики задается идеями и содержанием СМИ, интерпретациями модных и влиятельных публицистов и журналистов. В эпизодических контактах представители публики опознают друг друга по ключевым словам, по паролям, почерпнутым из газетных материалов, по совпадающим оценкам событий и фактов.

- У публики вырабатывается иллюзия, что то, что известно каждому, известно всем, и наоборот. То, что опубликовано в общих СМи и рассказано в эфире, знает каждый.
- Специфика информационного взаимодействия в публике состоит в отсутствии обратной связи. Это не отменяется письмами читателей в редакции газет. Информация распространяется в одном направлении: от источника к потребителю.
- Энергетическая составляющая публики определяется очень многими факторами: от таланта и харизмы публициста и радиооратора до частоты повторений и длительности воздействия информации. Возбуждение и заряженность публики возрастает вместе с иллюзией общераспространенности идей, мнений и оценок. Преданный читатель газет и слушатель радио тем более эмоционально заряжен, чем больше уверен в том, что его мнение и оценку разделяет «весь народ».
- Формы энергетической заряженности у публики и толпы существенно различаются. Экстатические и панические состояния у публики принимают иные формы и могут становиться хроническим. Экстаз и паника в толпе проходят так же быстро, как возникают, а у публики они могут принимать формы фанатизма или фобий, становиться чертами характера. Находящийся под длительным воздействием СМи читатель или слушатель, не имея непосредственного контакта с другими, склонен принимать свои реакции как собственные, а не как эффект заражения от других.
- Информационный метаболизм в публике также сложнее, чем в толпе. Лишенный обратной связи читатель и слушатель превращается в пассивного потребителя информации и привыкает некритично воспринимать мнения, оценки и интерпретации, получаемые из газет и радио. Высокое доверие к печатному слову и эфирной информации вырабатывалось десятилетиями и усваивалось поколениями. Пережитки такого некритического доверия к СМи встречаются еще и в наше время, хотя весь эфир и все информационное

пространство полно противоречащих один одному месседжей, постправды и фейков.
- Индивидуальные реакции отдельных представителей публики изменяются в широких пределах, от интоксикации информацией до идиосинкразии на нее.

Как понятие «толпа» у Лебона и Тарда не совпадает с греческим понятием «охлос» (*ὄχλος*), так и понятие «публика» не совпадает в XIX и XX веках с понятием «народ» (*δῆμος*). Век толп нельзя понимать как охлократию (*ὀχλοκρατία*), толпа в этот период не имела власти, но всегда использовалась как инструмент власти или орудие, направленное против власти. Поэтому корректнее употреблять термин «толпа» во множественном числе. В отличие от греческой охлократии — власти толпы-черни, где охлос был чем-то единым, худшей частью народа, — в XIX и XX веках приходится говорить о множестве толп, особенно если понимать толпу только как разновидность контактных групп.

Точно так же и публика. Мы можем обсуждать абстрактное понятие — публика, а конкретно — в обществе сосуществует множество разных публик. Можно выделить светскую публику, можно говорить об образованной публике (интеллигенции) или об интеллектуалах, можно помнить о богеме (раскрепощенной артистической и художественной публике). Да и этих разновидностей публик может быть несколько даже в одном крупном городе. Либеральные, социалистические, христианские и прочие газеты рассчитаны на свои целевые аудитории и формируют соответствующие разновидности публик.

В XIX и XX веках развивалось и видоизменялось гражданское общество, и вместе с ним менялась и сущность, или субстанция, демократии. Воспроизведем еще раз схематично основные этапы этих изменений.

Древнегреческая демократия была властью одной контактной группы, это была прямая демократия — власть демоса, т.е. всего народа. Демос-народ не совпадает с населением, может быть, даже составляет меньшую часть от всего населения. В XVIII–XIX веках прямая демократия невозможна, как невозможна власть одной контактной группы над всеми остальными. На любую возбужденную и агрессивную толпу всегда найдется

антагонистическая толпа, и между такими толпами возводятся баррикады.

Такие баррикадные бои толп продолжаются больше столетия, вплоть до Парижской коммуны, все это составляло кульминацию политической борьбы до 70-х годов XIX века.

С широким распространением ежедневных газет политическая жизнь кардинально меняется. Театр военных действий переносится с улиц и баррикад в пространство общественного мнения, в борьбу различных публик между собой и их всех вместе с государством. Наступает время публик и расцвет гражданского общества.

Относительный расцвет, конечно. Гражданское общество пережило несколько катастрофических кризисов. Выжило в этих кризисах. Но к концу XX века оно столкнулось с новым вызовом: *век публик закончился*. Наступило новое время, и на смену старым толпам и новым публикам пришло новейшее сетевое общество. Наступил век сетей.

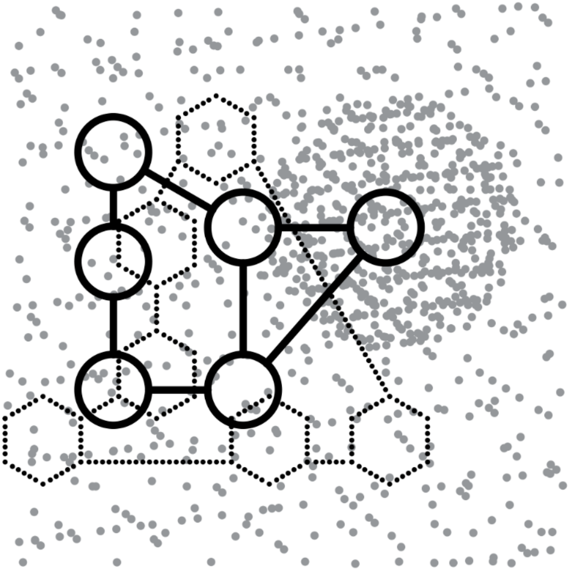

Рис. 3. Сети, бесконтактная коммуникация

Примечания

23 Под «информационным метаболизмом» Кемпинский подразумевал интеллектуальный обмен, под «энергетическим» — силовое давление (примеры «энергетического метаболизма» у него, как правило, носят отрицательную окраску — например, концлагеря, узником которых он был).

24 Др.-греч.: демократия.

От века публик к веку сетей

Сетевое общество и сетевая коммуникация уже давно в центре внимания культурологов и политологов. Сейчас эта тема обсуждается в связке с интернетом и таким интернет-явлением, как социальные сети.

Но сетевые формы организации привлекали внимание исследователей задолго до интернета. Во всяком случае, до всяких «фейсбуков». Сети Интернет почти полвека, до этого были телефонные сети, транспортные и другие. Еще Тард рассматривал железнодорожную сеть как фактор появления публики.

Сети возникали очень давно. Караванные пути и товаропотоки на Ближнем Востоке существовали тысячи лет. Великий шелковый путь связывал сетью четыре или пять древних цивилизаций (по Арнольду Тойнби). Первые сети были скорее цепями, линейными структурами с ответвлениями и зацикливанием некоторых ответвлений цепей.

Практически в полном виде сеть сформировалась в регионе Средиземного моря с изобретением вексельного обращения где-то в XIV веке. Ганзейский союз был сетью и в полной мере использовал сетевые возможности. В Европе с XVII века существовала и расширялась сеть «Республика ученых»: практически все люди, занимавшиеся наукой, состояли в переписке друг с другом. Имена участников этой сети знает весь мир, этими именами названы научные законы, они создавали новые теории, разрабатывали методы. Величайшим достижением является и сама сеть, в центре которой находился одноклассник Рене Декарта Марен Мерсенн.

Но эпоха сетей наступила к концу XX века. Интернет в процессе формирования сетевого общества только добавил последние звенья и технологически все оформил. Предпосылки сетевого общества были заложены экстенсивным развитием СМИ. К середине XX века телевидение стало кульминационным завершением века публики. Влияние

телевидения было столь велико, что уже в 1950-е годы политика в США вынуждена была адаптироваться к его влиянию и началась эрозия классической представительной демократии. Политическая борьба стала подчиняться законам телешоу, Ги Дебор придумал концепт «общество спектакля»[25]. Политический процесс перемещался с политической арены на политическую сцену (по Гинтаутасу Мажейкису[26].

Но, как это диктуется законами диалектики, количество переходит в качество и отрицает самое себя. Один телеканал в стране имеет неограниченную власть над публикой. На первых порах от этой неограниченной власти спасало малое количество телеприемников. Количество телевизоров в семьях, квартирах и домах увеличивалось, но власть телевидения ограничивалась появлением новых телеканалов. Каналы соперничали между собой за покрытие территории и охват аудитории, но зрители могли выбирать, какие каналы смотреть.

В 1950-е годы телевидение могло иметь неограниченную власть над ограниченной частью публики. Но и этой властью еще не умели пользоваться. Уже в 1960-е годы в США и Западной Европе существовали десятки телеканалов, принимаемых на каждом телевизоре. С ростом их количества уменьшалось влияние каждого из них. Публика сегментировалась и таргетировалась.

Эти сегменты и фрагменты публики еще не стали сетями. Они были протосетями:

- Структура этих сегментов публики была такой же, как и во времена Тарда, ее можно изобразить в виде «звездчатого графа» или «дерева». Есть центр, или узел, с которого информационные потоки расходятся к потребителям информации, потребители никак не связаны между собой и не имеют обратной связи с центром.
- Все общество можно описать множеством таких «звездчатых графов», накладываемых один поверх одного. Элементы и связи их не пересекаются.

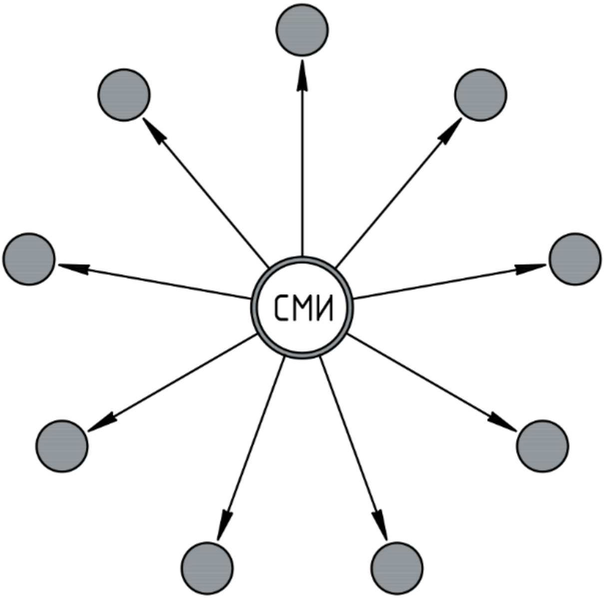

Рис. 4. Публика в виде звездчатого графа

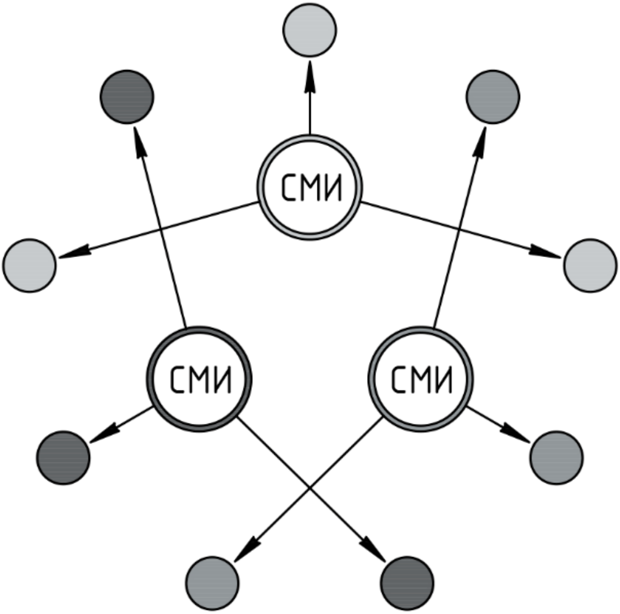

Рис. 5. Протосеть

Потребитель больше не был привязан к монопольному источнику информации. Из двух-трех десятков телеканалов он пользовался
всего несколькими тематическими или идеологическими, все остальные игнорировал.

С газетами происходило то же самое. К 1960–1970-м годам политическая публика была уже только одним из немногих сегментов в обществе. Были сформированы тематические публики: спортивная и музыкальная росли быстрее и скоро обогнали политическую (политизированную) публику по численности. Публика спортивных болельщиков смотрела

только спортивные каналы, музыкальные и развлекательные каналы изолировали другую публику. Потребители этой информации только случайно и в редких ситуациях намеренно переключались на общеполитические новости и комментарии. Еще была своя публика у научпопа и «мыльных опер».

Через десяток-другой лет выросли поколения публик, которые просто перестали понимать, что говорят на политических каналах и в новостях. Значимость и смысл информации из реальной политики и общественной жизни перестали отличаться от того, что показывают в телесериалах.

За «железный занавес» эти явления проникли с опозданием на 30 лет и поэтому проявлялись несколько иначе. Но к миллениуму ситуация выровнялась. Поэтому 11 сентября 2001 года онлайн-репортаж о падении башен в Нью-Йорке смотрелся как сюжет из сериала.

На все события XXI века люди реагируют двояким образом: как публики и как сети. И эти реакции могут быть совсем не похожи. На пожар Нотр-Дам-де-Пари публика отреагировала пожертвованиями в миллиардных размерах в течение одной ночи, а в сетях несколько дней кипели конспирологические страсти, муссировались различные версии, не доходя до деятельного ответа.

Очевидно, что энергетические и мобилизационные возможности публики и сетей совершенно различны.

Но не все различия между публикой и сетью столь очевидны. Некоторые особенности сетей лучше разбирать и анализировать на материале технических и биологических систем, поскольку на общественных и гуманитарных системах они почти не видны, но имеют существенное значение.

Если начинать с простейшего, — с пространственно-временной структуры, — то необходимо зафиксировать следующее.

Анизотропность пространства

Пространство в сетях не однородно. Соседство точек в сети определяется наличием связей и отношений между ними, а не геометрическим расстоянием или координатами.

Проще всего это иллюстрируется проводной телефонной сетью. Поговорить с другом на другом конце страны с домашнего телефона проще, чем с человеком, которого вы видите из своего окна в окне дома напротив. То же самое с транспортной инфраструктурой: из Минска можно долететь в любую европейскую столицу быстрее, чем добраться до некоторых районных центров Минской области. Хотя расстояние в первом случае измеряется сотнями и тысячами километров, а во втором — только десятками.

Пространство в сетях становится функцией инфраструктуры, и для его описания нужна иная топология, отличная от евклидовой геометрии.

Произвольность времени

Время в сетях со временем (каламбур) становится произвольным. Не вдаваясь в тонкости и подробности, можно указать на различие статусов *online* и *offline*, отражающих присутствие/наличие (*dasein*)[27] человека, или агента получения/отправки информации, в сети. Пока ограничимся только этими статусами, поскольку анализ времени в сети через категорию *dasein* уведет далеко от нашей темы. Хотя без такого анализа нельзя понять хронотоп, или пространственно-временную структуру сетевой организации.

Модальные характеристики сетей опустим в данном рассуждении, остановимся только на интенсивностных, даже просто количественных. И поскольку нас интересует в первую очередь информационный метаболизм, то и количественные, и интенсивностные характеристики рассмотрим в этих рамках.

Информационная емкость сетей несоизмерима с количествами информации в толпах и в публике. Информация в сетях циркулирует не останавливаясь, поэтому ее объем может накапливаться почти до бесконечности (в практических масштабах, разумеется). Этот фактор ведет ко множеству последствий, и разобрать их все будет очень сложно. Поэтому ограничимся несколькими тезисами:

- Количественные измерения информации основаны на категориях порядка и энтропии — меры снятой

неопределенности. Эта мера, по Клоду Шеннону, пригодна для измерения количества информации в каждой точке/элементе сети, но не годится для сети в целом. Энтропия, т.е. хаос в сети, только нарастает. Хотя сам шенноновский принцип сохраняет свою силу, если вести рассуждения от проблемы, которую Шеннон решал: выделение сигнала из шума. Накопление информации в сети создает информационный шум. Найти или выделить из этого шума нужную (ценную, важную, релевантную) информацию можно, только прикладывая определенные усилия.

- Поступление информации в сеть извне возможно в любом месте сети, и порождение информации происходит в любом месте. Полученная или порожденная информация начинает циркулировать по сети, и отдельные фрагменты накладываются на другие. Методов и способов вывода информации из сети не существует, если она копируется в любом месте сети.
- Снятие неопределенности (выделение сигнала из шума, распознавание образа, получение релевантной для принятия решения информации) возможно только через изменение структуры сети. Структура сети описывается графами. Преобразование структуры сети можно описать преобразованием полного графа (где каждый элемент связан с каждым другим элементом) в иерархические графы (например, «звезда» или «дерево»). Работа над структурами сетей возможна с использованием математических методов или по аналогии с биологическими и техническими сетями.

Вспомним тему, цель и рамки этого рассуждения:

1. Мы обсуждаем гражданское общество, поэтому нас интересуют общественные структуры.
2. Мы обсуждаем гражданское общество в его историческом развитии, т.е. изменение общественных структур на различных этапах существования гражданского общества.
3. Мы пытаемся понять современное состояние гражданского общества через сетевые формы организации информационного и энергетического обмена.

Полное и подробное исследование сетей выходит за рамки нашей темы. Для нас релевантны только те характеристики сетей, которые позволяют понять современное состояние гражданского общества и главным образом в нашей стране.

Можно просто провести сравнение толп, публики и сетей по аспектам информационного и энергетического обмена и обозначить, что это означает для гражданского общества.

Информационная и энергетическая энтропия

Толпа практически невосприимчива к информации. Оратор может захватить внимание толпы на очень короткое время. За десятки минут он должен захватить и удержать внимание, зарядить толпу эмоционально и энергетически. Разум, рассудок, логика почти не имеют значения. Информация в толпе практически моментально превращается в энергию и требует немедленного выхода. Вдохновленная и возбужденная толпа либо сразу переходит к действию (взрывной выброс энергии), либо ограничивается эмоциональным переживанием (тогда энергия просто исчезает; по аналогии с термодинамикой, энтропия тепловой энергии).

Энергия толпы переходит только в самые простые действия. Если возбужденная толпа приходит в движение, она может затоптать и оратора, который выступил детонатором взрыва энергии.

Публика в меньшей степени реагирует на эмоции и в большей степени рассудочно воспринимает информацию. Рассудок замедляет переход информации в энергию. Энергия в публике накапливается и может расходоваться дозированно.

Если энергия толпы может быть описана в категориях взрыва, то энергия публики — это сжатая пружина, это потенциальная энергия, распределяемая на порции и фрагменты, использование энергии публики может быть отсрочено, а накопление растянуто на длительное время.

Есть прецеденты, когда харизматичные ораторы удерживают огромные толпы часами. Так, часами могли выступать перед многотысячными аудиториями Адольф Гитлер и Фидель Кастро.

Кастро мог держать на площади миллион кубинцев и выступать перед ними 6–8 часов. В этих случаях мы имеем дело с гибридными явлениями публики-толпы. Без технических средств выступление перед толпами в несколько десятков тысяч человек невозможно. Гитлер и Кастро собирали искусственные толпы и обращались с ними как с публикой. Присутствие людей на площади создает «картинку», сами люди слушают оратора почти как по радиотрансляции, не имея с ним зрительного контакта.

Оратору перед толпой не нужна харизма, он «владеет толпой» и ее вниманием всего несколько минут, может быть анонимным: толпа не знала его до встречи с ним и может забыть его после того, как энергия выплеснется в действие. Толпе нужны только «лидеры на час», и возможны они только в качестве временных ораторов. Единственная карьера, возможная для лидера толпы, — превращение его в командующего войском или бандой.

Харизма как явление, как характеристика лидера возможна только при наличии публики. Длительное присутствие персонажа в СМи обеспечивает ему известность. Отношение к персонажу других лидеров мнений создает ему репутацию. Положительная репутация закрепляется за лидером как его собственное свойство или характеристика. При соответствующих условиях такая устойчивая репутация превращается в харизму. А сформированная харизма позволяет компенсировать недостаток ораторского мастерства. Так, Иосиф Сталин избегал непосредственного появления перед толпами. Он плохо говорил, за него говорила его харизма, создававшаяся десятилетиями.

Репутация и харизма лидеров создаются средствами массовой информации в отсутствие обратной связи, длительным навязчивым повторением односторонней информации.

Информация, исходящая от харизматического лидера мнений, становится основным инструментом управления публикой. В отличие от эмоциональной информации, действительной в толпе, рассудочная информация подвержена критике. Но также и цензуре.

Ничего подобного нет в сетях. В сети нет ораторов, в сети нет возможности годами создавать репутацию. Любая информация, попадая в сеть, растворяется в потоке другой информации. На каждый вброс информации сеть отвечает критикой. Обратная связь не оставляет возможности односторонней накачки информацией, а

открытые каналы поступления информации делают невозможной цензуру.

Но критика в сети вовсе не обязательно рассудочная или разумная, она может быть эмоциональной и просто иррациональной. Способы управления толпой и публикой в сети не работают. Объем информации в сети и энтропия делают невозможным перевод информации в энергию. Энергетическая энтропия в сети максимальна. Сети почти не способны к мобилизации.

Чтобы побудить публику к действию (перевести информацию в энергию), ее необходимо организовать в толпу или в толпы разного типа. Чтобы сеть могла накапливать энергию, ее необходимо организовать как публику. Так поступают в корпоративных сетях и в сетях, возникающих вокруг некоторых популярных СМИ. Достигается это централизацией поступления информации в сеть и ограничениями обратной связи. Сеть из полного графа переводится в граф «дерево» или граф «звезда».

Индивидуальность и обезличивание

Человек в толпе теряет индивидуальность, он превращается в «такого, как все». Все кричат — и я кричу, все идут — и я пошел, все побежали — и я побежал. Люди в толпе не отвечают за свои индивидуальные поступки и действия. Это справедливо и для случайных, и для искусственно собранных толп (толпа академиков ничем не отличается от толпы дворников по законам своего поведения). Поведение индивида в толпе нивелируется самим присутствием среди «таких, как все».

В публике индивид оказывается по собственному выбору, поэтому сохраняет свою индивидуальность. Человек может ходить в театр, может не ходить. Может выписывать и покупать одну газету, а может другую, может и вовсе не выписывать, не покупать и не читать. Он рассудочно воспринимает информацию и осмысливает эту информацию в одиночестве. Присутствие «таких же, как все» или «таких же, как я» не мешает осмыслению и не ограничивает критическое отношение к информации. Поэтому управлять публикой гораздо труднее.

Чтобы управление публикой посредством информации стало возможным, необходимо переводить информацию в энергию. Но энергетическая заряженность критически настроенного индивида может не совпадать с энергетикой других критически настроенных потребителей информации.

Поэтому при работе с публикой для перевода информации в энергию необходимо устранить фактор рассудочной критики, в идеале — ограничить рассудочность. Этого можно достигнуть нивелированием индивидуальности. Как это возможно?

Если в толпе человек утрачивает индивидуальность и становится «таким, как все» под воздействием непосредственного контакта с себе подобными и через эффект эмоционального заражения, то в публике работает другой принцип — воображение. Информация подается таким образом, чтобы у потребителя этой информации складывалась иллюзия, что большинство думает вполне определенным образом, и создавалось стремление сблизиться с большинством или влиться в него.

Деиндивидуализация в публике достигается в воображении потребителя информации и через иллюзорное большинство. Главным средством создания такой иллюзии становится цензура, или устранение из информационного обмена альтернативных мнений, ограничение альтернативной информации. Поэтому главной заботой тех, кто стремится к управлению публикой, является монополизация СМИ.

Сетевая организация информационных потоков ведет к демонополизации и децентрализации СМИ. Поэтому в сетевой организации общества невозможен тоталитаризм.

Но зато в сетевом обществе создаются все условия для господства популизма. Природа популизма коренится в том, что происходит в сетевой организации с индивидуальностью.

Если в толпе люди утрачивают индивидуальность по естественным причинам, а в публике индивидуальность приходится нивелировать искусственно через создание иллюзии большинства и работая с воображением индивидов,

то в сетях индивидуальность сохраняется в полной мере, но теряет значимость и ценность.

В публике информация распространяется от производителя к потребителю. Производитель и потребитель информации индивидуальны. Производит информацию автор, и каждый автор — индивидуальность в творчестве и производстве. Потребитель информации — тоже индивидуальность со своей способностью к пониманию, осмыслению и критике. Автор и потребитель различаются в глазах друг друга и в своих собственных.

В сетях автор умирает. Любой может вбросить в сеть любую информацию, любой может к ней критически отнестись. Информация вбрасывается в сеть и циркулирует в ней, передается от одного элемента и звена в цепи к другим. После нескольких циклов обращения месседжа или сообщения практически невозможно установить источник происхождения информации. И с каждым циклом обращения в исходной информации появляются искажения («испорченный телефон»), порождаемые дефектами понимания, пересказывания и копирования.

В силу произвольности времени в сетях любая циркулирующая в них информация отрывается от контекста порождения сообщения, становится абстрактной.

Моментальность обратной связи в сетях не оставляет времени на осмысление и рассудочную критику информации. Каждый участник сети выступает в двух функциях: автора и потребителя информации. Таким образом, индивидуальность автора теряет значение и перестает быть ценностью. А индивидуальность потребителя, напротив, выпячивается через декларацию «а у меня свое мнение», т.е. индивидуальное. Но это сомнительная и даже ложная индивидуальность, потому что эти «свои мнения», не будучи пропущенными через критику и осмысление, ничем не отличаются от множества других «своих мнений».

Сетевой парадокс состоит в том, что если в толпе люди становятся «такими, как все» и ведут себя не индивидуально, а «как все», то в сети каждый «не такой, как все», но ведет себя точно так же, «как все». Этот парадокс ведет к серьезным последствиям.

Лет семь назад в одной дискуссии в сети мне прислали вот такую цитату Юргена Хабермаса:

«Пользование интернетом одновременно расширило и раздробило коммуникативные контексты. Поэтому интернет оказывает подрывное воздействие на авторитарные режимы публичной сферы. Однако горизонтальное и ставшее менее формализованным образование коммуникативных сетей одновременно выхолащивает достижения традиционных публичных сфер. Ведь их функция заключалась в том, чтобы в рамках политических сообществ концентрировать внимание анонимной и рассеянной аудитории на неких избранных сообщениях так, чтобы граждане в один и тот же момент могли быть заняты одними и теми же критически отфильтрованными темами и высказываниями в их связи. Интернет способствует всеобщему равенству, что можно лишь приветствовать, однако платой за это оказывается децентрализация доступа к неотредактированным высказываниям. В таких условиях высказывания интеллектуалов теряют свою способность фокусировать внимание публики»[28].

Философ Хабермас говорит здесь примерно о том же самом парадоксе. В применение к самому высказыванию Хабермаса это выглядит примерно так: будучи вброшенным в сеть, это высказывание философа было бы одним из множества мнений, равных множеству других мнений. Чтобы иметь хоть какой-то вес и значение, оно должно быть оснащено несколькими атрибутами внесетевой организации:

- это высказывание не в сети, а на публике (указано место, время и обстоятельства порождения сообщения);
- это авторское высказывание, и его автор отличается от всех, кто читает это сообщение;
- на этом сообщении «сфокусировано внимание публики».

Но этот фрагмент текста был вброшен в сеть, где обсуждалась примерно эта же тема. Поэтому его судьба повторяет судьбу всех сообщений, вбрасываемых в сеть, то есть:

- сообщение оторвано от времени, места и обстоятельств, где оно было произнесено;
- это одно из многих мнений, и у каждого читателя по этому поводу есть свое мнение;

- ничье внимание на этом сообщении не сфокусировано, оно осталось в сети, его можно найти через поисковик, но участниками сети оно забыто на следующий же день.

А теперь приложите все сказанное и рассмотренное к гражданскому обществу. Что это означает для его современного состояния и развития?

Примечания

25 В 1968 г. Ги Дебор опубликовал книгу «Общество спектакля», посвященную критике современности, в которой «спектакль конструирует модель преобладающего в обществе образа жизни». Автор так характеризует современные общественные тенденции: «все, что раньше переживалось непосредственно, отныне оттеснено в представление».

26 Соотношение политического поля и арены в рамках информационных войн и пропаганды / Гинтаутас Мажейкис.
— Лятучы ўніверсітэт

27 Дáзайн — немецкое философское понятие, обычно ассоциируемое с учением Мартина Хайдеггера. «Дазайн» дословно переводится как «вот-бытие», «здесь-бытие». Обычный его философский и обиходный смысл — «существование», «экзистенция». Варианты перевода: «се-бытие», «существование здесь», «присутствие», «бытие присутствия».
— Википедия

28 Из речи, произнесенной Юргеном Хабермасом 9 марта 2006 года по случаю вручения ему Премии им. Бруно Крайски.

Об информации в сетевом обществе

В своем докладе на форуме «Место встречи: Будущее» об искусственном интеллекте и сети Интернет я сравнивал интернет и все сети, окутавшие планеты, по сложности с плоским червем. Аналогии никогда ничего не объясняют и могут быть уместны только как иллюстрации для тезиса. Тогда эта аналогия была уместна, чтобы оценить потенциальные возможности искусственного интеллекта (ИИ), которые достижимы человечеством при современном технологическом укладе. ИИ, который мы можем создать в обозримом будущем, будет не умнее плоского червя.

Но сейчас я рассматриваю сети в человеческом обществе и в коммуникации. Здесь эта аналогия будет существенным преувеличением. Коммуникативные сети, что на базе интернета, что на иной элементной базе, еще примитивнее. Их можно уподобить диффузной нервной системе кишечнополостных. У плоских червей есть два ганглия — это устройство, предназначенное для обработки больших данных, поступающих из всех участков нейросети животных с билатеральной симметрией. У более примитивных животных с радиальной симметрией нет ганглиев, а тесные скопления нервных клеток не предназначены для управления всем телом животного и обслуживают только ближайшие рецепторы и мышцы.

Сети накапливают огромное количество информации. Циркулируя по сети, потоки информации накладываются друг на друга, возникают эффекты интерференции, синергии или взаимного подавления. Информационный хаос нарастает. Приходится изобретать фильтры, пороги, барьеры, цензурировать информацию. Но это все паллиативные меры. И в биологической, и в технологической эволюции действует принцип усложнения. Для упорядочивания информационного хаоса создаются алгоритмы обработки *big data*. Элементной базой для таких алгоритмов в живых организмах являются скопления нервных клеток —

ганглии, а позднее — примитивный мозг. В интернете почти то же самое — обучаемые нейросети, или ИИ.

Продолжим рассуждение по аналогии, чтобы было понятнее.

У животных без мозга невозможны рефлексы, т.е. научение и приобретение опыта. Адаптивное поведение таких животных в среде обитания описывается таксисами, т.е. автоматическими реакциями организма на стандартные простейшие сигналы внешней среды. Даже одноклеточные организмы реагируют на свет, тепловой режим, химический состав среды. Амеба уползает от яркого света, от холода и от излишнего тепла. Для этого большого ума не надо. Но она откуда-то бежит, куда-то устремляется. Однако эти ее действия не запоминаются и опыт не приобретается.

Способность помнить прошлые действия требует устройства памяти. Память (по аналогии) — это информация, которая когда-то попала в сеть и циркулирует в сети, не выходя наружу, не влияя на поведение самой сети до тех пор, пока носитель сети не столкнется с той же самой ситуацией. Когда ситуации похожи, циркулирующая в сети информация ускоряет принятие решения и регулирует поведение. Так вырабатываются простейшие безусловные рефлексы. До условных рефлексов еще нужно дорасти.

Ни одна из технических и социальных сетей даже близко пока не приближается к этому состоянию. Социальные сети способны к тропизмам, и некоторые хорошо организованные сети уже могут реагировать на сигналы среды по типу самых примитивных безусловных рефлексов.

Собственно, аналогия с нервной системой простейших живых организмов нужна мне, чтобы объяснить принцип поведения социальных сетей и состояние сетевого общества.

Социальные сети состоят из элементов. Элементами являются люди или группы людей (грубо говоря, физические или юридические лица). Каждый элемент — высокоорганизованный субъект, разумный человек или коллектив, но высокая организация и разумность элементов не делает разумной саму сеть. Сеть на несколько порядков примитивнее своих составных частей. Реакции и поведение сетей не определяются сознанием, разумом, пониманием своих элементов, наоборот, система определяет поведение и реакции элементов, уравнивает все элементы сети.

Это означает, что мудрейший член сети и самый глупый ее член равны по своему влиянию на поведение самой сети.

Можно себе представить локальные и изолированные сети, в которых собраны самые разумные люди. Тогда реакции и поведение такой сети будут выглядеть разумнее и осмысленнее, чем поведение открытой сети, где не было отбора. В принципе, какой-то отбор всегда есть, поэтому сеть «Одноклассники» отличается от сети «Фейсбук», а «Телеграм» — от «Инстаграма». Но эти различия незначительны. И там, и там все выравнивается по последнему.

И с этим ничего невозможно поделать.

Однако нет ничего в мире, чего нельзя было бы использовать разумно и с пользой для дела. Нужно только, чтобы это дело было в наличии. А с этим есть проблемы.

Дело в том, что все сети — это инфраструктуры для существования разумных элементов. Разумных, целеустремленных или целенаправленных. Что это означает?

Это можно понять из сравнения с транспортными инфраструктурами, телефонными и почтовыми сетями.

Телефон и телефонная сеть не имеют никакого отношения к содержанию сообщений, которые передают собеседники через эту сеть. Сеть безразлична к содержанию сообщений. С телефонной сетью это понятно. То есть что глупый разговор, что ложь в телефонограмме, что секретная информация огромной важности — и телефону, и сети это безразлично. С телефонной сетью это очевидно. Но это так для любой инфраструктурной сети.

То же самое с целями и прагматикой. У рейсового автобуса или самолета нет целей. Они ходят по маршруту и по расписанию. Цели есть только у пассажиров. Пассажир знает, куда ему нужно попасть, а куда не нужно, он ставит цели, может изменить поставленную цель. Но его цели никак не влияют на автобус или самолет и даже на водителей и летчиков (захват террористами — это иной случай). У летчика нет целей прилететь в пункт назначения, для него это не цель, а алгоритмическая задача, норма. Сегодня его маршрут из пункта А в пункт Б, а завтра — в пункты В, Г, Д. Куда скажут, туда он и полетит. Его ответственность, мастерство и способность принимать решения лежат совершенно в другой плоскости.

Из всего этого следует простой вывод: поведение сети или сетевого сообщества (и общества в целом, если оно организовано по сетевому принципу) описывается статистическими законами. И зная эти законы, сетями и таким обществом можно управлять.

Но кроме знания статистических законов необходимо знать и состояние сетей, оценивать информацию, в них циркулирующую.

Алгоритмы обработки больших данных предназначены именно для этого, они дают картину содержательного состояния информации в сетях и позволяют планировать и производить действия с сетями. Например, таргетировать информацию, управляя тем самым статистическим распределением информации и энергии в сетях.

Таргетирование и управление определяются не алгоритмами, а теми, кто имеет дело! То есть имеет собственные цели и программу действий. Так, материалы Cambridge Analytica могли бы использовать британские евроэнтузиасты и сторонники ЕС, но использовали их сторонники Брексита, т.е. евроскептики.

Здесь мне важно зафиксировать, что в сетевом обществе алгоритмы обработки больших данных релевантнее социологических опросов, которые возникли и усовершенствованы для другой эпохи — века публики. Пока существуют публика и составляющие ее индивидуальные граждане, существует и общественное мнение, которое измеряется социологическими опросами. В сетевом обществе спрашивать мнение любого элемента сети совершенно бесполезно. И точно так же бесполезно составлять выборку из генеральной совокупности членов сетей. Бесполезно и неэффективно.

Это заявление методологического характера, обосновывать его и критиковать нужно на соответствующем философском и профессиональном уровне.

В выбранных мною жанре и форме можно обсудить не методологические проблемы и тонкости, а некоторые феномены, которые уже стали азбучными в подходах к сетевому обществу. Например, явление и категорию «мудрость толпы».

Это понятие-метафору Джеймс Шуровьески ввел в 2004 году, т.е. уже в эпоху сетей, поэтому архаичная категория «толпа» не должна вводить в заблуждение. Метафора взята из практики своеобразных рыночных лотерей на Диком Западе типа «Кабан за 1 доллар». Свинина или телятина стоят по доллару за килограмм (фунт, пуд — для понимания принципа не важно). А на рынке предлагается купить 100-килограммового теленка за доллар, точнее, не купить, а выиграть. Каждый желающий может внести доллар и назвать вес теленка. Тот, кто точно угадает вес, тот и

получает всего теленка. Толпа скидывается по доллару, когда набирается сумма бóльшая, чем цена теленка, теленок ставится на весы, озвучиваются названные участниками лотереи цифры, и тот, кто назвал самую близкую цифру к показаниям на весах, получает теленка. Простенькое надувательство.

Но оно интересно тем, что самым близким к точному весу оказывается среднее арифметическое от всех названных цифр. То есть никто из конкретных участников лотереи не может назвать точный вес, но среднее мнение всех оказывается наиболее точным. Толпа оказывается умнее всех ее отдельных элементов. Автор метафоры интересовался биржевыми играми и прочими финансовыми инструментами и везде наблюдал этот феномен «мудрости толпы».

Понятно, что это никакая не мудрость, а только статистика.

Но важно здесь то, что без любителя считать, который вычислил среднее арифметическое в популярной рыночной забаве, ни сама толпа, ни продавец, ни счастливчик, выигравший теленка, никто вообще не догадался бы о том, как «мудра» эта толпа.

В современных сетях можно автоматизировать вычисление такой «мудрости сетей». Нужно просто собирать большие данные и запустить алгоритмы их анализа. Самый простой Ии с этим справляется.

Но кому это надо?

Участникам сетевой коммуникации, каждый из которых имеет собственное мнение и не готов его менять? Нет, им это точно не надо.

Наблюдателю со «старыми» представлениями о мире и обществе, который видит отдельные мнения в сети, видит глупость и ошибочность этих мнений, это тоже не надо. Его интересует истина, или правильное мнение, а не «средняя температура по больнице».

Такие данные и их обработка нужны тем, кто имеет цели относительно всей совокупности участников сети. Такие цели есть у продавцов товаров и услуг, и такие цели есть у политиков, манипулирующих массами. То есть манипулируют сетевым мнением и те, и другие.

Торговцы товарами и услугами побуждают к принудительному потреблению своих товаров и услуг, политики делают практически

то же самое: принудительно вынуждают потреблять бренды и имена. Торговцы имеют деньги, политики — голоса и репутацию.

Ну а те, кто оказывает услуги торговцам и политикам, ищут способы употребления феномена «мудрость толпы» в мирных целях. Это правильно. Могут быть и мирные цели, а не только манипуляции и надувательство.

Напомню, что я все еще разворачиваю тему «гражданское общество». Гражданское общество должно развиваться. Развитие неравномерно, бывают периоды бурного развития, бывают времена застоя и даже отката. Так было всегда.

Вот, скажем, в эпоху публики гражданское общество переживало расцвет. И тут изобретают радио. Как заметил тогда Илья Ильф, «в фантастических романах главное — это было радио. При нем ожидалось счастье человечества. Вот радио есть, а счастья нет».

Про интернет можно сказать то же самое. Пусть не счастье, но от интернета ожидалось много всего хорошего. И вот интернет вошел в каждый офис, каждый дом, в каждый карман и каждое ухо. Доступ к любой информации в любое время обеспечен. Скорость доставки и отправки информации почти утратила значение, все работает в реальном времени.

Когда-то Андрей Платонов писал о городке, рельсы от которого тянутся до самого Парижа, вот только в Париж из этого городка никто не ездил. Ездили только туда, где их ждали и куда их влекли дела и желания. Желания на Париж не распространялись, и дел там ни у кого не было.

При наличии телефона в квартире любой абонент мог позвонить любому другому абоненту, но все перезванивались в очень узких кругах общения, с теми, кого лично знали или к кому имели дело.

Так и с интернетом. Доступна любая информация, а нужна только та, к которой есть интерес. А интересы всегда намного у́же и скромнее, чем все, имеющееся в доступности.

Мы не пользуемся всеми богатствами, накопленными человечеством в глобальной сети, из-за бедности воображения и скудости интересов и потребностей.

Так вот — радио. Мечты о том, что радио принесет счастье, разбились о действительность: радио принесло тоталитаризм. Фашизм и сталинизм воспользовались возможностями радио,

чтобы оболванить большие массы людей и навязать им свою волю, мнения, установки, мобилизовать их на уничтожение гражданского общества.

Спрогнозировать такие эффекты было очень сложно. Ну а если бы такие прогнозы появились! Следовало бы из предосторожности убить Маркони и Попова? Запретить радио? Глупо.

Гражданское общество пережило и фашизм, и сталинизм. Переживет и интернет. Мы не можем вернуть общество назад, от сетей к публике. Придется учиться и осваивать сетевые формы организации всего общества и гражданского общества в частности.

Возможно ли это, если сети оглупляют участников сетевой коммуникации и уравнивают мнения академиков с мнениями дворников?

Возможно ли это, если сети негативно сказываются на индивидуальности и нивелируют все индивидуальные различия, без которых немыслимо гражданское общество, общество свободных людей и ярко выраженных индивидуальностей?

Почему нет?

IV

Мужество и истина в царстве свободных мнений

Мужество иметь собственное мнение

Мне часто приходилось слышать в разных ситуациях высказывание: «Я представляю здесь гражданское общество Беларуси/Х-ландии». И меня всегда коробило это высказывание.

В первую очередь потому, что я точно знаю, что никто никогда не получал полномочий говорить от имени гражданского общества любой страны. Просто нет такой процедуры, такого органа или собрания, которое может кому-то делегировать право представлять гражданское общество.

Во вторую очередь это то, что связано с самим понятием и категорией «гражданское общество». Гражданское общество — это вовсе не сообщество каких-то особых людей, отличных от других, это собирательное имя для свободных граждан, равных друг другу, и никто из них не «равнее» других, чтобы говорить от их имени или представлять их. В гражданском обществе каждый гражданин представляет только и исключительно самого себя.

Но в чем же тогда сила гражданского общества, если в нем каждый представляет только самого себя? Вот с этим и попробуем разобраться.

Итальянский писатель Франка Маньяни как-то сказал почти парадоксальную мысль: «Чем больше граждан с гражданским мужеством имеет страна, тем меньше она нуждается в героях».

Обычно мужество и героизм сочетаются между собой, а тут они разводятся. Но речь идет об особом виде мужества — о гражданском мужестве (*Zivilcourage*, *Civil courage*). Это действительно особый вид мужества, Александр Гумбольдт сформулировал это так: “Jeder muss den Mut zu seiner Meinung haben” («У каждого должно быть мужество иметь собственное мнение»).

Современному человеку, наверное, это трудно понять, иметь собственное мнение сегодня кажется очень просто, при чем тут мужество? для современного человека скорее подошла бы фраза: “Jeder muss seiner Meinung haben” («Каждый должен иметь собственное мнение»).

Это принципиальные различия. Выделим сначала три принципиальных проблемных момента:

- **Долженствование.** Быть мужественным или быть обязанным. В XVIII веке нужно было иметь мужество, чтобы иметь собственное мнение, а в XXI это обязанность. Что же происходит с мнением, если в одном случае, чтобы его иметь, нужно мужество, а в другом — обязанность?
- **Собственность.** Быть или иметь. И при этом, как в XVIII веке, так и сейчас, люди имеют мнения. И тогда, и сейчас люди считали мнения, которые имели, своими собственными. Так, может быть, дело в категории «собственность»? Что такое «собственное мнение» и могут ли быть несобственные мнения?
- **Человек.** Быть или казаться. Мужество — категория, применимая не к мнению, а к носителю мнения, к тому, кто его имеет. Мнение может быть одно и то же, но кому-то требуется мужество, чтобы его иметь, а кто-то просто обязан его иметь. Значит, различие касается человека. Одно и то же мнение может быть у принципиально различающихся людей, у разных типов человека. Чем отличается человек XVIII века, которому требовалось мужество, чтобы иметь собственное мнение, от человека эпохи постмодерна, который просто-напросто обязан его иметь?

Простейший пример этих различий. Есть такое мнение: Земля вертится вокруг Солнца. Это мнение когда-то по-своему произнес Галилео Галилей перед судом инквизиции («и все-таки она вертится!»), и это же мнение учителя начальных классов вдалбливают своим ученикам на уроках.

Ученики ОБЯЗАНЫ иметь такое мнение, иначе они не получат хорошую оценку. Нужно ли им МУЖЕСТВО, чтобы иметь такое мнение? Нет, конечно же. И учителям не надо иметь никакого мужества для этого.

А вот Галилею мужество было совершенно необходимо, он рисковал собственной жизнью, произнося это мнение. И наоборот — он был ОБЯЗАН придерживаться противоположного мнения. А чьим было противоположное мнение? Это было мнение церкви и науки того времени. Члены трибунала инквизиции имели мнение, отличное от мнения Галилея. Было ли это мнение их

собственным? Галилей настаивал на СОБСТВЕННОМ мнении, а они настаивали на мнении церкви, они представляли церковь в дискуссии с Галилеем.

А чьим мнением является то, что произносят учителя и хорошие ученики в школе? Это их собственное мнение или мнение Галилея? А может быть, это мнение современной науки и учителя являются ее представителями в классе и навязывают своим ученикам несобственное мнение?

То, что Земля вращается вокруг Солнца, сегодня принимается как банальная несомненная истина. Существует немногочисленное множество людей, которые придерживаются противоположного мнения. И само это противоположное мнение существует, его знают те, кто имеет истинное мнение, и, зная, считают его не истинным. Не могут быть оба мнения равными относительно истины.

Но сейчас мы разбираемся не с истиной как таковой, а с мужеством иметь или не иметь собственное мнение, независимо от того, насколько истинным оно является. Оставляя объективную истину за рамками, мы не можем игнорировать субъективную убежденность в истинности собственного мнения.

Собственно, мужество в данных рамках можно понимать как убежденность в истинности собственного мнения. В этом состоит четвертый принципиальный проблемный момент:

- **Истинность.** Субъективная убежденность в том, что мнение, которое человек считает собственным, истинно: если такой убежденности нет, то от собственного мнения легко отказываются в пользу чужого мнения или мнения некоторого коллектива и большинства.

Здесь уместен другой пример, из другой ситуации и другой эпохи. В яркой художественной форме эта ситуация описана в романе Артура Кестлера «Слепящая тьма». Большевиков 20–30-х годов прошлого века невозможно было упрекнуть в отсутствии личного человеческого мужества. Они прошли царские тюрьмы и ссылки, проявляли героизм во время Гражданской войны, смело смотрели в лицо смерти, рисковали собственной жизнью. Они часто были образованными и умными людьми, имевшими собственное мнение. И за это мнение могли предстать перед судом.

Галилео Галилей предстал перед судом инквизиции за собственное мнение, Николай Бухарин предстал перед судом партии за собственное мнение. На этом сходство двух ситуаций

заканчивается, поскольку исход их совершенно различен. Галилей рисковал своей жизнью, отстаивая собственное мнение против мнения церкви. Бухарин признал мнение партии истинным, и все равно был казнен. Мало того, он признавал право партии его казнить. Эта ситуация поразила Артура Кестлера до глубины души, и он попытался разобраться в этом, описывая чувства и мысли своего главного героя Николая Рубашова.

Герой Кестлера, как и его реальные прототипы, признавал только объективную истину, а никакая субъективная убежденность в истинности своего собственного мнения не идет в сравнение с инстанцией, устанавливающей объективную истину. Такой инстанцией в советское время была партия. Партия не могла ошибаться. Но во времена Галилея точно такой же инстанцией была католическая церковь. У Галилея хватило мужества противопоставить свою субъективную убежденность в истине мнению инстанции, которая была наделена правом устанавливать объективную истину. А у Бухарина и других большевиков такого мужества не было.

Личная смелость, готовность рисковать жизнью и героическое поведение на войне не совпадают с интеллектуальным мужеством, с готовностью рисковать собственной жизнью за субъективную убежденность в истинности собственного мнения.

Большевики готовы были платить собственной жизнью за некие ценности и не готовы были платить даже меньшую цену за истину, поскольку имели убеждение в ценности иного, не собственного мнения.

Отсюда пятый принципиальный проблемный момент:

- **Ценность.** Мнение обретает ценность в поступке, а поступком является публичное предъявление собственного мнения с убежденностью в его истинности: как возможно ценить мнение больше жизни? Риск поплатиться жизнью за собственное мнение — довольно крайний случай, совершенно экстремальная ситуация. Но плата может быть высокой и без риска для жизни. Тюрьма — тоже высокая плата, и остракизм, и буллинг, и презрение окружающих. Да и просто потеря каких-то благ: места работы, ученой степени и т.п.

Ценность мнения определяется той ценой, которую человек готов платить за право его высказать и объявить Городу и Миру.

Высказанное без всякого риска мнение вряд ли имеет высокую цену. Ну а уж мнение, которое человек обязан иметь или имеет по обязанности, почти совсем ничего не стоит — ни в плане истинности, ни в плане собственности.

Все эти (и еще некоторые, не так значимые в рамках нашей темы) принципиальные проблемные моменты можно назвать одним словом — «парресия» (*parrhesia*).

Этот термин известен со времен Еврипида, о парресии писали и говорили греческие философы и римские мыслители, христианские богословы, парресия занимает важное место в «Духовных упражнениях» Игнатия Лойолы и в «Заботе о себе» Мишеля Фуко. Мишель Фуко, последовательно и методично занимаясь «Археологией знания», ввел термин «парресия» в современный оборот и подробно анализировал само явление в своем цикле лекций «Мужество истины», который прочел за три месяца до смерти.

Важность этих лекций для нашей темы (гражданское общество) еще и в том, что в них Мишель Фуко говорит о политике, власти, демократии и их отношении к истине. Длинная, но важная цитата:

«в прошлом году, как вы, наверное, помните, я предпринял исследование вольной речи, практики *parrêsia* того персонажа, который может практиковать *parrêsia* и который называется (это слово появится гораздо позже) парресиастом (*parrêsiastes*). Изучение *parrêsia* и *parrêsiastes* в античной культуре себя, очевидно, представляет собой своего рода предысторию тех практик, что сформировались и развились вокруг нескольких общеизвестных пар: кающийся и его исповедник, наставляемый и духовный наставник, больной и психиатр, пациент и психоаналитик. Можно сказать, что эту предысторию я и пытался [описать]. Вот только занимаясь исследованиями в такой перспективе, как предыстория этих общеизвестных пар, этих парресиастических практик, я заметил нечто, что меня удивило и чего я не предусмотрел. Сколь бы важным ни было понятие *parrêsia* в сфере духовного наставничества, духовного водительства, наставления души, сколь бы важным оно ни было, особенно в эллинистической и римской литературе, нельзя не признать, что его истоки лежат в другом месте и что по существу и прежде всего оно появляется не в этой практике духовного наставничества. Понятие *parrêsia* (это я и пытался показать вам в прошлом году) — это изначально и по

существу политическое понятие. А изучение *parrêsia* как политического понятия и концепта явно уводило меня в сторону от моего основного проекта: от античной истории практик высказывания истины о себе. Но, с другой стороны, это неудобство компенсировалось тем обстоятельством, что, возобновляя или предпринимая вновь исследование *parrêsia* в области политических практик, я несколько приближался к постоянно присутствующей в [предпринимаемом] мною исследовании теме отношений между субъектом и истиной: к теме властных отношений и их роли в отношениях между субъектом и истиной. В связи с понятием *parrêsia*, изначально укорененным в политической практике и в проблематизации демократии, а затем перешедшим в сферу личной этики и становления морального субъекта, говоря схематично, в связи с понятием, укорененным политически и дающим моральный побег (именно это меня заинтересовало, на этом я остановился и остановлюсь еще), появляется возможность поставить вопрос о субъекте и об истине с точки зрения практики, которую можно назвать управлением собой и другими».

Что нам в этом важно? Термин «парресия» возник в условиях афинской демократии и относился к простому гражданину полиса, который говорит правду в народном собрании, невзирая на то, как эта правда будет воспринята другими, большинством или правителями. За высказывание правды можно было поплатиться жизнью или подвергнуться остракизму — изгнанию.

Потом этим словом стали называть и другие варианты говорения правды с риском для говорящего. Именно эти практики парресии «в сфере духовного наставничества, духовного водительства, наставления души» привлекли первоначальное внимание Фуко. Политический аспект парресии был слишком очевиден и не заслуживал внимания, пока он не пришел к пониманию «возможности поставить вопрос о субъекте и об истине с точки зрения практики, которую можно назвать управлением собой и другими».

В теме «Гражданское общество» политический аспект исключить никак нельзя, но и «вопрос о субъекте и об истине с точки зрения практики, которую можно назвать управлением собой и другими» невозможно обойти стороной.

Древним грекам было просто. Для них существовала только частная жизнь и политическая. Греческая демократия была

непосредственной и прямой. Каждый гражданин выступал на народном собрании от себя лично и принимал личные решения. Никаких сомнений в том, что он руководствуется исключительно собственным мнением, ни у него самого, ни у слушателей не возникало.

Парресия не воспринималась как нечто исключительное, но противопоставлялась демагогии и ораторскому искусству — риторике. Каждый гражданин полиса понимал, что специально обученный оратор имеет целью изменить частное (собственное) мнение слушателей, чтобы склонить их к какому-то общему мнению. Парресиаст же руководствуется в своем выступлении совершенно другим мотивом, он просто не может не говорить правду, это его внутренний моральный долг.

Альтернативой парресии является только молчание. Греки изначально понимали то, что современным людям приходится объяснять, как это делал Кофи Аннан, говоря: «Злу нужно молчание большинства». Мужественные греческие парресиасты говорили правду тогда, когда молчание всех или отсутствие публично предъявленной истины вело ко злу, совершаемому большинством народа. Грекам не нужно было понятие «гражданского мужества», личное и гражданское мужество в условиях прямой демократии — это одно и то же.

В позднейшие времена парресия проявлялась в других, не политических ситуациях, но тоже требовавших объявления истины с риском для жизни. Так поступал уже упомянутый Галилей, парресиастом был Мартин Лютер, выступивший против продажи индульгенций. Так поступали многие исторические персонажи, имевшие мужество говорить правду в глаза абсолютным монархам, людям, имевшим полную власть над их жизнью и судьбой. Но и это были не политические поступки, а моральные.

Совсем иначе обстояло дело в XVIII веке, когда зарождалась представительная демократия и гражданское общество. Общество XVIII века было устроено сложнее афинского. Да и знаний об обществе у образованных людей того времени было больше и понимание глубже. Социальная жизнь людей XVIII века протекала вне политики. Была частная жизнь и светская. Все люди позднефеодальной эпохи принадлежали к каким-то сословиям, были членами различных корпораций, гильдий, общин, сект или клубов. Каждый из них разделял мнения, цели и интересы того

сообщества, с которым идентифицировался. У структурированных и сильных сообществ появлялись политические интересы, которые они пытались решать, вступая в коммуникацию с властью. В коммуникацию вступали не люди с личным собственным мнением, а представители интересов и мнений сословий, гильдий, корпораций, церквей, а позже клубов и партий.

Уже несколько столетий существовали практики представительства. Адвокаты представляли интересы своих клиентов. Дипломаты представляли интересы своих монархов и транслировали их мнения, оставляя свои при себе. Ученые говорили от имени истины. Делегаты в совещательных органах при монархах (сеймы, генеральные штаты, парламенты) представляли интересы своих сословий или регионов.

Соответственно, появились и фигуры речи, к которым прибегали, озвучивая не свое собственное мнение, но мнение неких инстанций, институтов, коллективов и сообществ. Так в науке прижилась форма множественного числа при говорении от первого лица. Ученый говорит «мы» там, где древние философы говорили бы «я», «ты», «они», ну и «мы» на своем месте так, как это делал Аристотель: «Мы хотим исследовать природу души, а я имею в виду...».

Для придания значимости и важности своим словам все стали заявлять: «Я говорю от имени всех купцов нашего города...» или «Я представляю здесь дворянство такой-то губернии...» в гротескной форме это звучит примерно так: «Не корысти ради, но токмо волею пославшей мя...»

Озвучить общее мнение, произнести порученные кем-то слова, сослаться на то, что тебя делегировали для того-то и того-то, всегда проще, чем сформулировать собственное мнение и отношение к чему бы то ни было.

В представительных органах эпохи абсолютизма личное мнение значило и стоило очень мало. Даже архаичное *Liberum veto* не было исключением из этого правила. Один делегат сойма мог прекратить дебаты и остановить любое решение, но не от собственного имени, а как представитель своего города или региона.

Любой представитель чего бы то ни было не может быть свободным, не может иметь собственного мнения, поскольку ему поручено транслировать и провозглашать вполне определенное

мнение. Он обязан иметь это мнение коллектива, сообщества, клиента и т.д., а свое собственное держать при себе.

Но такой принцип представительства вступает в противоречие со всеми декларируемыми принципами демократии. С одной стороны, «представитель» ОБЯЗАН придерживаться того мнения, представлять которое ему поручено, с другой стороны, он ДОЛЖЕН иметь собственное мнение как свободный гражданин и человек.

И что же делать, как быть, если мнение, которого он ОБЯЗАН придерживаться, вступает в противоречие с тем, которое он ДОЛЖЕН иметь как свободный разумный человек? Вот именно в таких случаях необходимо гражданское мужество и парресия:

- *Jeder muss den Mut seiner Meinung haben* («У каждого должно быть мужество иметь собственное мнение»).
- Нужно БЫТЬ мужественным и ИМЕТЬ мнение как собственное, а не то, которое тебя обязал пославший тебя коллектив, партия, сообщество и т.д.
- Нужно иметь критическое мышление, чтобы различать собственное мнение и порученное извне и отличать истинное от неистинного.
- Нужно иметь субъективную уверенность в способности критического мышления устанавливать объективную истину, а не доверять ее установление внешним инстанциям, и иметь субъективную уверенность в этой установленной истине.
- Нужно ценить истину и истинное мнение больше той пользы, которую может принести отказ от истинного мнения в виде признания сообщества, наград и бонусов, которые приносит представительство внешних интересов и чужого мнения.

Понимая это, мы можем развести парресию и гражданское мужество.

Нет гражданского мужества без парресии. Гражданское мужество — это парресия, проявляемая в особых ситуациях, когда гражданин принимает участие в политике, т.е. в решении общих вопросов, а не только своих личных.

Немалое мужество нужно человеку, решившему избавиться от алкогольной зависимости, чтобы прийти в клуб анонимных алкоголиков и представиться: «Здравствуйте! Меня зовут Петр, и я алкоголик!» Но это еще не гражданское мужество.

Каминг-аут тоже требует изрядного мужества. Сейчас этот термин чаще всего применяется в определенных ситуациях — объявления о собственной нетрадиционной сексуальной ориентации. Но объявление себя атеистом в религиозном сообществе — практически то же самое. Заявить в СССР, что ты не разделяешь коммунистических взглядов — то же самое.

Это все мужество, но не гражданское.

Гражданское общество начинается с парресии, с гражданского мужества парресиаста, говорящего не о себе самом, а об обществе, к которому он принадлежит.

Свободный гражданин, наделенный критическим мышлением, совершает акт парресии, провозглашая идеи, которые не разделяются большинством, которые противоречат установкам властей, за которые он рискует поплатиться жизнью и свободой, презрением большинства, исключением из общества.

Другие свободные граждане, наделенные критическим мышлением и имеющие достаточно мужества, чтобы пересмотреть мнения и взгляды, навязанные им корпорациями, партиями, всем обществом, всей нацией, могут принять сообщенную парресиастом истину и присоединиться к нему. Эти граждане и становятся гражданским обществом.

Если акт парресии имеет успех и новая идея, провозглашенная парресиастом, становится достоянием широкого гражданского общества, то это меняет все общество, развивает его. Особое мнение или идея, истинность которой базировалась только на субъективной убежденности мужественного гражданина, овладевает массами и становится банальной, становится общераспространенным мнением большинства.

И так до следующего акта парресии.

Гражданское общество в Беларуси есть. И есть несколько идей, которые уже известны из актов парресии, которые должны изменить наше общество в целом и привести к перезагрузке государства.

Голая правда — ALETHEIA

Мужество иметь собственное мнение, о котором я говорил в предыдущем фрагменте, ничего не стоит без истинности этого мнения.

А сама истина не зависит от любого мнения о ней. Мнение может быть не истинным, и тогда совершенно неважно, собственное оно или не собственное.

Но — что есть истина?

Истинно ли мое собственное мнение о гражданском обществе?

Отвечая на такой вопрос, я могу воспользоваться схемой из предыдущего фрагмента и, анализируя вопрос, ответить на него по частям:

- Это мое СОБСТВЕННОЕ мнение. Я никого не представляю, кроме самого себя. Мне никто не поручал озвучить именно это мнение.
- Я не обязан его иметь. Общество навязывало мне другое мнение, через другие категории: «третий сектор», «НГО — негосударственные организации», «НКО — некоммерческие организации». Еще раньше — через «диктатуру пролетариата». Но наблюдая, исследуя и анализируя общество и общественные явления, я понял, что ДОЛЖЕН высказать именно такое мнение, отличное от других.
- И высказывая это мнение, я рискую навлечь на себя гнев, раздражение и обиду всех тех, кто придерживается иного мнения, тех, кто обязан иметь иное мнение, поскольку они определяются как представители НГО, НКО, «третьего сектора», а также политологов, социологов и идеологов, представляющих позицию и интересы своих наук. Не высказывая собственного мнения, я не могу чувствовать себя нормальным ЧЕЛОВЕКОМ и полноценным гражданином.
- Мнение, которое я высказываю, не просто мое собственное, и я должен его высказать не по прихоти или по причине недержания речи, но потому, что считаю его ЦЕННЫМ,

ценнее, чем другие. Ценность этого моего собственного мнения определяется обоснованностью его многолетними наблюдениями, исследованиями, аналитикой и практикой.

- Но эти четыре момента никак не позволяют считать это мнение объективно ИСТИННЫМ. Я только имею субъективное убеждение в его истинности. Собственная убежденность мотивирует и побуждает меня искать способы сделать собственное мнение убедительным и для других.

Но ведь убедительность не тождественна истинности. Люди часто бывают убеждены в самых ложных мнениях и считают убедительными весьма слабые доводы и аргументы.

Если речь идет о парресии, то приходится говорить о правде, т.е. о субъективной версии истины.

Правда при самой глубокой субъективной убежденности в ней не тождественна истине.

Но если это так, то какой смысл публично говорить правду, рискуя жизнью, отношениями со своим сообществом или коллективом, настаивать на ней, если она не является истиной? и чего стоит самая глубокая субъективная убежденность в ней?

Есть такое мнение, что человек является мерой всех вещей, существующих в том, что они существуют, и несуществующих в том, что они не существуют. Это относится и к истине. Человек есть мера истины.

А правда, которую человек говорит, потому что иначе не может, потому что должен, является мерой самого человека. Человек либо говорит правду от собственного имени, как собственное мнение, либо не говорит правды, стремясь к чему-то другому — к некоторой выгоде, к сохранению добрых отношений с другими людьми, к спокойствию и безопасности.

В этом смысл парресии — в говорении правды, что делает человека человеком, и это ведет или приближает всех к истине.

Мишель Фуко кратко формулирует это так: «Таким образом, в двух словах *parrêsia* можно охарактеризовать как мужество говорить правду, присущее тому, кто, несмотря ни на что, рискует сказать всю правду, а также мужество собеседника, готового принять обидную правду, которую он слышит».

Парресия — это не только личный акт паррессиаста, объявление его убежденности в собственной правде, но и общественный

договор — готовность общества принять обидную, неприятную правду, выслушать мнение и отнестись к нему всерьез.

Что значит всерьез? Это значит выслушать любое мнение и принять правду, но отвергнуть ложь, отличать разумное мнение от неразумного.

Парресия имеет не только позитивный смысл, у нее есть и обратная сторона. Снова сошлюсь на Фуко: «Уничижительное значение слова *parrêsia* заключается в том, чтобы говорить все, в том смысле, что говорят что попало (все, что взбредет на ум, все, чего говорить не следовало, все, что играет на руку обуревающим говорящего страстям или интересам). Парресиаст в таком случае становится и выглядит неисправимым болтуном, который не может сдержать себя или, во всяком случае, как человек, неспособный основывать свою речь на принципах разумности и истины».

Критики античной демократии всегда обращали внимание на этот негативный смысл парресии. Особую актуальность и серьезность эта проблема приобретает в XVIII—XIX веках, когда зародилась представительная демократия, принципиально отличавшаяся от прямой демократии античных и средневековых полисов.

Неразумные мнения порождаются не только глупостью, тем, что только может прийти на ум, обуреваемый страстями, но и корпоративными корыстными интересами социальных групп, которые обязывают своих представителей их отстаивать.

Век Просвещения не допускал сомнений в разумности человека и в том пути, которым разумные люди обустраивают общественную жизнь, свою жизнь. Но уже первый из «мэтров подозрений» Карл Маркс совершает акт парресии и заявляет, что общество обустраивается не разумом людей, а их корыстными интересами. О корысти, тщеславии и прочих человеческих пороках знали всегда. Но эти пороки рассматривались наряду с разумом, моралью, совестью, при этом разуму отдавалось предпочтение. И общественное развитие понималось как борьба разума с предрассудками и пороками, рациональности с иррациональным. Маркс же заявлял об антагонизме классовых интересов, а разуму отводил скромную роль средства достижения победы одного класса над другим.

Концепция гражданского общества построена на идеалах Просвещения, на убежденности в том, что разум способен

разрешать любые проблемы и противоречия, без иррационального привлечения силы, обмана, манипуляций.

Само гражданское общество и есть реализация разума, так же, как и демократическое устройство государства, построенное по принципу представительства различных социальных позиций и групп через дискуссию, коммуникацию и согласование различных мнений и соблюдения всех интересов.

При этом государство и гражданское общество представляют собой противоположности.

Государство — это царство порядка, в нем нет свободы собственных мнений. Каждый человек, поступая на службу государству, принимает на себя обязательство представлять не собственное мнение, а позицию государства в рамках своих полномочий. И позиция государства, и полномочия каждого чиновника описываются комплексом мнений, которым и руководствуется каждый представитель государства.

Гражданское общество — напротив, это царство свободы мнений, от каждого гражданина ожидается, что он будет руководствоваться не обязательными к исполнению предписаниями, не вмененными ему извне мнениями, а только собственным мнением. В этом царстве свободы мнения озвучиваются, дискутируются, критикуются, отбираются разумные из массы неразумных и затем предлагаются государству в качестве обязательных к исполнению.

Среди государственных институтов есть специально организованные места для согласования различных мнений. Самым известным таким местом является парламент. В парламент избираются представители различных социальных групп и позиций, и каждый представитель отстаивает в парламенте не собственное мнение, а мнение тех, кто его избрал для представительства. Парламент — не самое удачное место для парресии. В парламенте разум воплощается в процедуре.

Совсем другое дело — места для дискуссий в гражданском обществе. Там каждый представляет только самого себя. В гражданском обществе нет иерархии людей, есть иерархия мест. В одних местах дискуссии ведутся по локальным проблемам, например, о положении тех или иных меньшинств или о судьбе отдельного здания, парка или явления. В других местах обсуждаются проблемы целого города. И должны быть места, где

обсуждаются проблемы всей страны и нации. Но участники дискуссии в первом, втором и третьем месте равны друг другу. И в каждом из этих мест возможна и допустима парресия.

Участники дискуссии равны, но их мнения вовсе не таковы. Разброс мнений может быть от истинных до глупейших. И в этом состоит основная проблема гражданского общества.

Решением данной проблемы становится критическое мышление — главное достижение и изобретение Просвещения в XVIII веке.

Это изобретение совершенствовалось на протяжении двух с половиной веков, но его смысл и цель остаются неизменными — поиск истины, через отбрасывание необоснованных и неразумных мнений.

Но и при наличии самого рафинированного критического мышления человек был и остается мерой всех вещей, в том числе и истины. И самой истины, и тех представлений об истине, которые бытовали в разные эпохи.

Изначальное представление об истине зафиксировано в древнегреческой категории *ἀλήθεια* (*aletheia*).

В буквальном переводе *aletheia* может быть передана словом «несокрытое». Первоначально оно и означало то, с чего снимаются покровы. Один покров за другим, пока не проступает то, что можно передать метафорой — «голая правда». *Aletheia* — голая правда.

Голая правда амбивалентна. С одной стороны, все хотят знать правду, знать такой, какой она есть. С другой стороны, правда глаза колет, знать всю правду не очень приятно.

Люди склонны верить, надеяться, мечтать. Мечтать и надеяться на светлое будущее, которое описывается как коммунизм (или еще как-то), а голая правда коммунизма — это ГУЛАГ. Тридцать лет люди строили коммунизм, мечтали дожить до коммунизма, надеялись на то, что их дети будут жить при коммунизме, а тех, кто говорил правду о нем, срывали покровы с него, боялись и ненавидели.

Гражданское общество — это процесс срывания покровов, скрывающих голую правду.

Государство — отлаженный механизм мобилизации и организации людей на поддержание статус-кво и на достижение неких целей (рост ВВП, хорошие дороги, снижение безработицы, победа в войне и т.д.). Каждый, кто говорит от имени государства, прикрывает правду, скрывает ее под привлекательными

оболочками надежд, прогнозов, планов. А парресиасты гражданского общества заглядывают под эти покровы и сообщают голую правду. Они говорят о том, что рост ВВП потребует повышения цен, снижения зарплат и т.п.

Реклама расписывает товары и услуги в самом привлекательном виде, но кто-то должен рассказать, что тот или иной товар сомнительного качества, экологически опасен, что лекарство неэффективно, а услуга бесполезна.

Гражданское общество — это неуклонное стремление к правде, срывание покровов:

- В Беларуси все знают, что уже четверть века в стране нет выборов. Это правда?

Конечно, это правда. Но не вся.

- А в чем причина того, что в стране нет выборов? Власти в лице ЦИк и Лидии Ермошиной фальсифицируют результаты процедуры выборов. Это правда?

Конечно, это правда. Но не вся.

- ЦИк и Ермошина — всего лишь винтики в механизме государства, которое не нуждается в выборах. Как устроено это государство и как оно функционирует, что не допускает в стране выборов? Это диктатура. Это правда?

Конечно, это правда. Но не вся.

- Кто заинтересован в этой диктатуре, кому она выгодна? Диктатору, его семье, клану, ОПГ[29], которую он создал. Это правда?

Конечно, это правда. Но не вся.

- Если все знают эту правду про «выборы», про Ермошину, про диктатуру, про диктатора Лукашенко, почему этот порядок все еще держится? Потому, что нет сильной оппозиции, некому изменить этот порядок. Это правда?

Конечно, это правда. Но не вся.

- Почему в стране некому изменить этот порядок, если есть оппозиция, которая должна становиться все сильнее и сильнее по мере того, как все больше людей узнают правду о Лукашенко, диктатуре, фальсификации выборов? Потому, что большая часть оппозиции играет на стороне Лукашенко и Ермошиной, участвует в фальсификации выборов и только на словах их критикует. Это правда?

Конечно, это правда. И тоже не вся.

Что толку называть порядок в стране диктатурой, если не называть диктатора по имени? Что толку говорить о фальсификациях, если не поймать фальсификатора за руку и не привлечь к суду? Что толку обвинять оппозицию в игре на стороне властей, если не называть конкретные имена тех, кто в оппозиции работает на власть?

Трудное это дело — срывать покровы, скрывающие правду и открывать ее полную наготу. Нагота правды неприглядна. Кто-то срывает покровы, а кто-то сразу же набрасывает новые, чтобы скрыть эту неприглядность. Это постоянная борьба и сопротивление.

Целый год в стране шла подготовка к «углубленной интеграции». Тысячи чиновников и дипломатов были задействованы в переговорном процессе, в разработке «дорожных карт».

Целый год парресиасты гражданского общества пытались сорвать покровы тайны с этого процесса. Шла затяжная борьба гражданского общества и государства.

Сама эта борьба является событием, процессом, о котором тоже нужно бы знать правду.

Сокрытие всей работы над «дорожными картами» по «углубленной интеграции» и содержания многочисленных переговоров покровом тайны, или грифом «для служебного пользования», уже ни для кого не тайна. К концу года гражданскому обществу через кампанию «Свежий ветер» удалось сделать явным весь этот позорный торг. То, что государство занималось целый год обманом всего общества, теперь все знают.

Это правда?

Ну, какая же это правда! Правды мы так и не узнали. Мы только смогли обнаружить ложь и сделать ее явной для всех. Но правда как была, так и остается скрытой.

Нужно ли ее открывать? Нужно ли срывать покровы, под которым спрятана эта правда? Мы готовы лицезреть голую правду?

Гражданское мужество нужно не только парресиасту, чтобы говорить правду. Гражданское мужество нужно и для того, чтобы быть готовым слышать и знать правду.

Гражданское общество — это множество мужественных людей. И если у нации есть достаточно мужественных людей, готовых

знать правду, говорить правду, слышать правду, у нее нет нужды в героях, жизнь и свобода которых приносится в жертву.

В чем смысл этой жертвы?

Жертву приносят за грехи. Грехом является нежелание большей части общества знать правду. Мы можем считать каждого, кого арестовали и содержат сутками в тюрьме за участие в декабрьских протестах, героем. Они герои? Это правда?

Нет, это не правда. Они жертвы. Они делали то же самое, что сотни и тысячи других людей в другие дни. Делали сотни и тысячи, а наказаны десятки. Почему не все? Почему некоторые расплачиваются за то, что делали многие?

Те, кто арестован и оштрафован, принесены в жертву за грех тех, кто выходил на Площадь в другие дни? Нет, они случайно выбраны из этих тысяч людей, которые делали одно и то же — протестовали.

Арестованные и оштрафованные — это жертва за грехи тех, кто целый год не хотел знать правду, прятался от этой правды, придумывал всякие фантастические покровы, скрывающие правду торга независимостью.

В этой жертве не было бы никакой необходимости, если бы граждане Беларуси имели мужество слушать, слышать и знать правду на протяжении всего года.

В *aletheia* содержится сразу несколько смыслов и важных истин:

- Сокрытие правды — это преступление.
- Нежелание знать правду, страх перед правдой, отводить глаза и затыкать уши перед лицом правды — это грех.
- Преследование и шельмование тех, кто говорит правду, нагота которой колет глаза, — это предательство разума и совести.

И никакими жертвами мы не искупим преступление государственных чиновников, скрывающих правду.

Никакими жертвами мы не искупим грех нежелания знать правду.

Но мы можем простить себе грехи и предательство, себе и другим. Простить и перестать грешить, бояться, предавать себя. Перестать и посмотреть правде в глаза.

Посмотреть и увидеть *aletheia* — несокрытое, голую правду.

Важнейший смысл древнего понятия истины *aletheia* в том, что истина не сокрыта, она очевидна. И если мы ее не видим, то только

потому, что:

- совершаем преступление, покрываем истину покровами тайны и лжи;
- грешим своим страхом перед очевидностью, нежеланием видеть, слышать и знать правду;
- предаем самих себя, свое гражданское и человеческое достоинство, отворачиваясь от правды.

Гражданское общество возникает, существует и развивается там и тогда, когда мы отвергаем эти предательство, грех и преступление.

При всей сложности это так просто! Почти как голая правда — *aletheia*.

Примечания

29 Организованная преступная группировка (см. http://journalby.com/news/opg-vmesto-rezhima-ponyatiya-vmesto-prava-i-morali-909)

Послесловие

Возможно, исследователи, социологи и философы будущего смогут детально проанализировать нашу эпоху, найти свое место каждому явлению и событию, которые мы сейчас переживаем, творим или просто наблюдаем как свидетели. То, что мы считаем инновациями и пытаемся к этому приспособиться, для людей будущего будет уже историческим прошлым и архивным материалом.

Но нам приходится со всем этим жить и действовать.

Понимать в условиях высокой неопределенности. Искать разумные и эффективные способы действия. Строить гражданское общество эпохи интернета, цифровых технологий, доступности всей планеты.

Нам приходится мыслить глобально, чтобы действовать эффективно в локальном пространстве. Нам в Беларуси. Это наше место действия.

Но прежде чем действовать, нужно хорошо продумать и сами действия, и их последствия. Все старые шаблоны и трафареты придется отбросить. А новых нам никто, кроме нас самих, предложить не сможет.

Оглавление